

АНТОН КОЛОСОВ

18+

КАК ОПРАВДАТЬ ПО ДЕЛАМ О МОШЕННИЧЕСТВЕ, ПРИСВОЕНИИ И РАСТРАТЕ

Оправдание, отмена приговоров,
смягчение наказания.
Обзор актуальной судебной практики

Антон Колосов

**Как оправдать по делам
о мошенничестве,
присвоении и растрате**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65794098

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-95826-5

Аннотация

В книге собраны практикообразующие судебные акты Верховного Суда РФ, судов первой, второй и третьей инстанций с 2017 г. по 2021 г., вступившие в законную силу.

Оправдательные приговоры, апелляционные и кассационные определения, которыми прекращено уголовное преследование по реабилитирующим основаниям, действия виновных лиц переквалифицированы на менее тяжкое преступление, значительно снижено наказание, назначено условное наказание, содержат те реально работающие правовые инструменты, которые помогут, если Вы столкнулись с уголовно-правовой машиной, а также вашим подзащитным.

Каждый из 50 кейсов снабжен полноценным, исчерпывающим правовым обоснованием для подготовки жалоб. За каждым разбираемым случаем стоит судьба отдельного живого человека.

Судьба, спасенная от незаконного приговора, чрезмерно сурового наказания.

Содержание

Глава 1. Судебная практика по делам о мошенничестве	10
Раздел 1. Нарушения закона, допущенные в ходе предварительного расследования	10
Орган предварительного расследования обязан доказать, что при совершении хищения путем обмана виновное лицо осознает заведомую ложность предоставляемой информации либо заведомо скрывает (умалчивает) истинную информацию, что должно быть подтверждено в суде. Наличие у подсудимого высшего юридического образования и официальное опубликование нормативно-правового акта не означает, что заявитель (подсудимый), подавая документы на имущественный налоговый вычет по налогу на доходы физических лиц, обязан знать, что налоговый вычет ему не положен	10
Предупреждение о необходимости неработающему пенсионеру безотлагательно извещать территориальный	19

орган Пенсионного фонда РФ
о поступлении на работу носит
информационное, а не правовое значение,
поскольку указанное предупреждение
не содержит последствий нарушения
пенсионером. Следовательно, ссылаться на
такое предупреждение как доказательство
умысла подсудимого на хищение денежных
средств при получении социальных выплат,
установленных законом, путем умолчания о
фактах, влекущих прекращение указанных
выплат, недопустимо

Уголовное дело в отношении
подозреваемого не может быть возбуждено
при наличии неотмененного постановления
об отказе в возбуждении уголовного дела
по тому же факту в отношении того же
лица, а в случае возбуждения – подлежит
прекращению. Доказательства по такому
делу признаются недопустимыми

25

Если лицу вменяют хищение на основании
договора, то органами предварительного
следствия должно быть установлено,
при каких обстоятельствах данный
договор был подписан обвиняемым, кто
явился инициатором подписания данного

30

договора, при каких обстоятельствах данный договор был подписан контрагентом, а также кем и при каких обстоятельствах ставились печать и дата на данный договор. Установление данных обстоятельств является необходимым для решения вопроса о наличии либо отсутствии у обвиняемого умысла на хищение чужого имущества при подписании договора

Четыре лица, действующие в составе организованной преступной группы, занимавшейся обналичиванием денежных средств, оправданы по ч. 4 ст. 159 УК РФ в связи с недоказанностью факта причинения ущерба

54

Наличие гражданско-правовой сделки между потерпевшим и подсудимым исключает хищение денежных средств путем злоупотребления доверием.

61

Органами предварительного следствия должны быть представлены достаточные и убедительные доказательства того, что лицо, получая от кредитора денежные средства, не намеревалось при этом исполнять взятые на себя обязательства,

связанные с условиями передачи
ему указанных в расписке денежных
средств, и того, что у него имелся
умысел, направленный на хищение денег
потерпевшего

Если инкриминируемые лицу действия
являются составной частью преступления,
по поводу которого было возбуждено
уголовное дело, то самостоятельного
возбуждения уголовного дела не требуется

78

Если спор между сторонами разрешен
в гражданско-правовом порядке, то
обращение в дальнейшем одной стороны
в полицию с заявлением о совершении
другой стороной мошенничества
свидетельствует лишь о несогласии с
вынесенным судебным решением и
направлено на переоценку установленных
судом обстоятельств. Обстоятельства,
установленные вступившим в законную
силу решением суда, принятым в
рамках гражданского, арбитражного или
административного судопроизводства,
признаются судом, прокурором,
следователем, дознавателем без
дополнительной проверки

87

До тех пор, пока в ходе уголовного процесса факты фальсификации доказательств и виновности лица в преступлении не будут установлены на основе не вызывающих сомнения обстоятельств, решение по гражданскому делу должно толковаться в пользу лица. Следователь не может и не должен обращаться к вопросу, составлявшему предмет доказывания по гражданскому делу, он оценивает лишь наличие признаков фальсификации доказательств (включая доказательства, не рассматривавшиеся судом по гражданскому делу) в связи с возбуждением уголовного дела по факту

Конец ознакомительного фрагмента.

Антон Колосов

Как оправдать по делам о мошенничестве, присвоении и растрате

*Незнание закона не освобождает
от ответственности, а знание судебной практики –
освобождает.*

(А. Колосов)

Глава 1. Судебная практика по делам о мошенничестве

Раздел 1. Нарушения закона, допущенные в ходе предварительного расследования

**Орган предварительного расследования
обязан доказать, что при совершении
хищения путем обмана виновное
лицо осознает заведомую ложность
предоставляемой информации либо
заведомо скрывает (умалчивает)
истинную информацию, что должно
быть подтверждено в суде. Наличие у
подсудимого высшего юридического
образования и официальное
опубликование нормативно-
правового акта не означает, что**

ретателя жилого помещения за получением налогового вычета контролировать соблюдение законодательства о налогах и сборах, а также оценивать представленные документы в ходе камеральной налоговой проверки.

Обвинительный приговор по ч. 3 ст. 159 УК РФ отменен.

А. осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ, и приговорен к штрафу в размере 130 000 рублей.

А. признан виновным и осужден за мошенничество в крупном размере, то есть хищение путем обмана денежных средств федерального бюджета в размере 260 000 рублей, составляющих имущественный налоговый вычет по налогу на доходы физических лиц за 2016 год, права на получение которого он не имел, совершенное 19 января 2017 года в г. Елизово Камчатского края при обстоятельствах, изложенных в приговоре.

Согласно ст. 297 УПК РФ приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым. Приговор признается таковым, если он постановлен в соответствии с требованиями УПК РФ и основан на правильном применении уголовного закона.

В силу требований ч. 4 ст. 302 УПК РФ обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разби-

рательства виновность подсудимого в совершении преступления подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 29 ноября 2016 года № 55 «О судебном приговоре» разъяснил, **что в описательно-мотивировочной части приговора, исходя из положений пп. 3 и 4 ч. 1 ст. 305, п. 2 ст. 307 УПК РФ, надлежит дать оценку всем исследованным в судебном заседании доказательствам – как уличающим, так и оправдывающим подсудимого.** При этом излагаются доказательства, на которых основаны выводы суда по вопросам, разрешаемым при постановлении приговора, и приводятся мотивы, по которым те или иные доказательства отвергнуты судом. Если какие-либо из исследованных доказательств суд признает не имеющими отношения к делу, то указание об этом должно содержаться в приговоре. В силу принципа презумпции невиновности обвинительный приговор не может быть основан на предположениях, а все неустранимые сомнения в доказанности обвинения, в том числе отдельных его составляющих (формы вины, степени и характера участия в совершении преступления, смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств и так далее), толкуются в пользу подсудимого.

Однако данные требования закона при рассмотрении настоящего уголовного дела судами первой и последующих инстанций не соблюдены. По делу установлено, что при про-

хождении военной службы в марте 2016 года А. за счет средств Министерства обороны Российской Федерации получил жилищную субсидию, на которую приобрел в собственность квартиру в г. Воронеже. В январе 2017 года он обратился в налоговый орган по вопросу предоставления налогового вычета, а после проведения камеральной проверки представленных документов получил 10 февраля 2017 года денежные средства в размере 260 000 рублей, которые оставались на его банковском счете и не использовались. 22 мая 2018 г., еще до возбуждения в отношении него уголовного дела, А. вернул эти денежные средства налоговому органу.

Суд, описывая способ совершения А. преступления, указал, что он, достоверно зная об отсутствии у него права на получение имущественного налогового вычета, скрыл от специалистов налоговой инспекции сведения о приобретении жилого помещения за счет средств федерального бюджета, то есть совершил хищение чужого имущества путем обмана, под которым уголовное законодательство Российской Федерации понимает в том числе умолчание об истинных фактах, направленное на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение.

В силу чч. 2 и 3 ст. 25 УК РФ осознание общественной опасности содеянного выступает одним из элементов умысла. Следовательно, **при совершении хищения путем обмана виновное лицо должно осознавать заведомую ложность предоставляемой информации либо скры-**

вать (умалчивать) истинную информацию, что должно быть установлено и доказано по настоящему уголовному делу.

Обосновывая вывод о доказанности субъективной стороны преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ, суд первой инстанции указал, что отсутствие у А. права на получение имущественного налогового вычета следует из ч. 5 ст. 220 НК РФ, который официально опубликован и является общедоступным, поэтому А., имея высшее образование по специальности «юриспруденция» и ссылаясь в заявлении, поданном в налоговый орган, на ст. 220 НК РФ, не мог не знать о содержании ч. 5 указанной статьи и о том, что налоговый вычет ему не положен. С такой формулировкой согласились суды апелляционной и кассационной инстанций.

Кроме того, опровергая доводы А. об отсутствии у него умысла на совершение мошенничества, о введении его в заблуждение сотрудниками налоговой инспекции относительно права на получение налогового вычета за приобретенное жилое помещение и неполноте проведенной ими проверки по представленным документам, суды сослались на показания свидетелей К., С., Д., К., М., З., хотя приговор не содержит анализа показаний свидетеля М., что суды апелляционной и кассационной инстанций оставили без внимания.

Между тем на протяжении всего производства по уголовному делу А. заявлял, что не был осведомлен об отсутствии у него права на налоговый вычет, а ко-

гда узнал об этом, сразу же вернул денежные средства налоговому органу. При этом он не скрывал от сотрудников налоговой инспекции получение жилищной субсидии от Министерства обороны Российской Федерации. Однако эти показания осужденного не получили должной оценки в приговоре.

Допрошенные в судебном заседании представитель потерпевшего Т., а также сотрудники налогового органа – свидетели С., М., К., К., З., отвечая на вопросы о наличии у налогоплательщика обязанности сообщать налоговому органу информацию о том, за какие денежные средства приобретено жилое помещение, и содержит ли соответствующую графу декларация 3-НДФЛ, сообщили, что такая обязанность отсутствует, а в декларации такой графы нет.

Не сообщали названные свидетели и о том, что А. доводились и были известны положения НК РФ, согласно которым налоговый вычет ему не положен, а предположительный ответ представителя потерпевшего об ознакомлении А. со ст. 220 НК РФ не получил своей оценки в приговоре, как и показания свидетеля А. о том, что перед обращением за налоговым вычетом она с мужем консультировались в налоговой инспекции, сотрудникам которой сообщили о приобретении жилья за счет предоставленной жилищной субсидии.

Свидетель К., проводившая камеральную проверку, от результатов которой зависело принятие решения о подтверждении права на налоговый вычет или отказе в таковом, со-

общила, что представленный А. пакет документов был достаточным для принятия решения о производстве ему налогового вычета, и что она лично проверяла А. по спискам военнослужащих, которым была выплачена жилищная субсидия. Однако эти показания свидетеля судами оставлены без внимания и оценки им не дано.

Из исследованных в судебном заседании копий декларации 3-НДФЛ и справки 2-НДФЛ усматривается, что источником выплаты дохода для А. является ФКУ «Единый расчетный центр МО РФ».

Свидетель Д. – работник ФГКУ «Востокрегионжилье» – не смогла подтвердить, что разъясняла А. положения ст. 220 НК РФ.

Между тем в приговоре приведены только общие показания этого свидетеля о том, что при обращении военнослужащих за жилищной субсидией она сообщала им информацию об отсутствии у них права на налоговый вычет. О том, что К. знала о принадлежности А. к Министерству обороны Российской Федерации, поэтому должна была тщательно проверить источник получения им денежных средств для приобретения квартиры, в суде первой инстанции заявляла и защитник осужденного, однако это утверждение стороны защиты судами проигнорировано и какой-либо оценки в обжалуемых судебных решениях ему не дано.

Оставили без внимания суды первой и последующих инстанций предусмотренную пп. 2 п. 1 ст. 32, ст. 80 и 88 НК

РФ обязанность налоговых органов при обращении приобретателя жилого помещения за получением налогового вычета контролировать соблюдение законодательства о налогах и сборах, а также оценивать представленные документы в ходе камеральной налоговой проверки, как и упомянутые автором жалобы указания Министерства финансов РФ и Налоговой службы, доведенные до управлений по субъектам Российской Федерации письмами ФНС России от 5 апреля 2012 года № ЕД-4-3/5716@ и от 30 января 2014 года № БС-4-11/1562@, с рекомендациями по вопросу проведения камеральных налоговых проверок налоговых деклараций по налогу на доходы физических лиц, в которых физическими лицами (военнослужащими) заявлен имущественный налоговый вычет по результатам реализации жилищных прав посредством участия в накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих.

Таким образом, перечисленные в приговоре доказательства не содержат всестороннего анализа и оценки всех исследованных в судебном заседании доказательств, как уличающих, так и оправдывающих подсудимого, не опровергают доводы А. о его невиновности, а потому у судов не имелось достаточных оснований для вывода о доказанности умысла А. на совершение инкриминируемого ему преступления.

Допущенные при рассмотрении настоящего уголовного дела нарушения уголовного и уголовно-процессуального закона являются существенными, повлиявшими на исход де-

ла, в связи с чем приговор 35-го гарнизонного военного суда, апелляционное определение Тихоокеанского флотского военного суда и кассационное определение Кассационного военного суда в отношении А. подлежат отмене, а уголовное дело направлению на новое судебное рассмотрение в суд первой инстанции в ином составе судей.

При новом рассмотрении уголовного дела суду надлежит изучить всю совокупность доказательств в отношении действий А. и дать им правильную юридическую оценку, в том числе учесть правовую позицию Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированную в постановлении от 22 июля 2020 года № 38-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 159 Уголовного Кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Л.».».

Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 13.04.2021 г. по делу № 211-УД21-1-К10.

**Предупреждение о необходимости
неработающему пенсионеру
безотлагательно извещать
территориальный орган Пенсионного
фонда РФ о поступлении на работу
носит информационное, а не правовое
значение, поскольку указанное
предупреждение не содержит
последствий нарушения пенсионером.
Следовательно, ссылаться на такое
предупреждение как доказательство
умысла подсудимого на хищение
денежных средств при получении
социальных выплат, установленных
законом, путем умолчания о
фактах, влекущих прекращение
указанных выплат, недопустимо**

**Приговор суда по ч. 1 ст. 159.2 УК отменен с прекра-
щением производства по уголовному делу на основа-**

нии п. 2 ч. 1 ст. 24 УК РФ ввиду отсутствия в деянии состава преступления.

По приговору мирового судьи судебного участка № 5 г. Вышнего Волочка и Вышневолоцкого района Тверской области от 27 января 2017 года (оставленному в части осуждения Б. без изменения апелляционным постановлением Вышневолоцкого городского суда Тверской области от 30 марта 2017 года) ранее не судимая Б. осуждена по ч. 1 ст. 159.2 УК РФ к наказанию в виде штрафа в размере 5 000 рублей с рассрочкой выплаты штрафа на десять месяцев равными частями в размере 500 рублей ежемесячно.

В кассационной жалобе осужденная Б. просила отменить приговор и оправдать ее, поскольку не имела умысла на хищение средств Пенсионного фонда РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции отменила указанные приговор и апелляционное постановление с прекращением производства по делу на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием состава преступления и признанием за Б. права на реабилитацию по следующим основаниям.

В силу ст. 8 УК РФ основаниями уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки преступления, предусмотренного уголовным законом.

Суд установил, что Б. как неработающему пенсионеру была назначена федеральная социальная доплата к страховой пенсии по старости до величины прожиточного минимума

пенсионера в субъекте Российской Федерации, которая ежемесячно начислялась к страховой пенсии по старости Б.

В заявлении о назначении пенсии Б. под личную подпись была предупреждена о необходимости безотлагательного извещения территориального органа Пенсионного фонда РФ о наступлении обстоятельств, влекущих изменение размера федеральной социальной доплаты к пенсии или прекращение ее выплаты.

1 апреля 2015 года Б. поступила на работу в ГБУЗ «Вышневолоцкий психоневрологический санаторий № 1 для детей с детскими церебральными параличами», где проработала до 31 июля 2016 года, однако не уведомила об этом территориальный орган Пенсионного фонда РФ, благодаря чему ежемесячно незаконно получала федеральную социальную доплату к страховой пенсии по старости, незаконно завладев таким образом денежными средствами в общей сумме 13 804 рубля 67 копеек, которыми распорядилась по своему усмотрению.

Указанные действия Б. квалифицированы судом по ч. 1 ст. 159.2 УК РФ как мошенничество при получении выплат, то есть хищение денежных средств при получении иных социальных выплат, установленных законом, путем умолчания о фактах, влекущих прекращение указанных выплат.

Вместе с тем специфика данного вида мошенничества заключается в том, что деяние выражается в получении мате-

риальной помощи (пособий, компенсаций, субсидий, иных социальных выплат) путем обмана активного [представление заведомо ложных и (или) недостоверных сведений] или пассивного (путем умолчания о фактах, влекущих прекращение выплат).

В обоснование выводов о наличии у Б. умысла на хищение денежных средств путем незаконного получения федеральной социальной доплаты к пенсии суд сослался на заявление осужденной о назначении ей пенсии по старости, в котором она под личную подпись была предупреждена о необходимости безотлагательного извещения территориального органа Пенсионного фонда РФ о поступлении на работу, однако, вопреки данному предупреждению, умышленно умолчала о факте своего трудоустройства, незаконно получая в период работы федеральную социальную доплату к пенсии.

Из материалов дела следует, что на момент заполнения указанного заявления о назначении досрочной пенсии по старости осужденная не имела права на получение федеральной социальной доплаты к пенсии и не получала ее. Указанная доплата была установлена ей лишь спустя два месяца.

Содержащийся в п. 4 бланка заявления о назначении пенсии ряд предупреждений, в том числе предупреждение о необходимости безотлагательно извещать территориальный орган Пенсионного фонда РФ о поступлении на работу, носит информационное, а не правовое значение, поскольку содержит извлече-

ние из различных федеральных законов, регулирующих пенсионное обеспечение, без разъяснения последствий нарушения пенсионером указанных предупреждений.

При этом Федеральный закон от 17 июля 1999 года № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» действительно возлагает на пенсионеров обязанность безотлагательно извещать орган, осуществляющий пенсионное обеспечение, о наступлении обстоятельств, влекущих изменение размера федеральной социальной доплаты к пенсии или прекращение ее выплаты. Однако этой же нормой закона предусматривается, что удержание излишне выплаченных сумм социальной доплаты к пенсии производится в порядке, предусмотренном Федеральным законом от 28 декабря 2013 года № 400-ФЗ «О страховых пенсиях».

Таким образом, законодатель за нарушение пенсионером обязательства сообщать в орган, осуществляющий пенсионное обеспечение, о наступлении обстоятельств, влекущих изменение размера или прекращение выплаты федеральной социальной доплаты к пенсии, предусматривает гражданско-правовые, а не уголовные последствия.

При этом Б. не скрывала факт трудоустройства в ГБУЗ «Вышневолоцкий психоневрологический санаторий № 1 для детей с детскими церебральными параличами», так как на работу была устроена официаль-

но, при поступлении предоставила необходимые документы (трудовую книжку, СНИЛС, ИНН), за период ее работы работодателем ежемесячно в Пенсионный фонд начислялись и перечислялись страховые взносы на обязательное пенсионное страхование и представлялись индивидуальные сведения, в связи с чем она была уверена, что территориальный орган Пенсионного фонда уведомлен о ее трудоустройстве работодателем, отчислявшим за нее страховые выплаты.

Более того, именно на основании выписки из лицевого счета застрахованного лица управлением Пенсионного фонда РФ было установлено, что Б. в период получения федеральной социальной доплаты к пенсии осуществляла трудовую деятельность, в связи с чем ей было рекомендовано в добровольном порядке возместить излишне полученную сумму федеральной социальной доплаты, что Б. и было сделано еще до возбуждения уголовного дела.

Указанным обстоятельствам при рассмотрении уголовного дела судом первой инстанции не было дано надлежащей оценки, что повлекло за собой незаконное осуждение Б. по ч. 1 ст. 159.2 УК РФ. Суд апелляционной инстанции в свою очередь не выявил допущенные нарушения закона и не устранил их.

Обобщение практики судебной коллегии по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции № 1 (2020).

Уголовное дело в отношении подозреваемого не может быть возбуждено при наличии неотмененного постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по тому же факту в отношении того же лица, а в случае возбуждения – подлежит прекращению. Доказательства по такому делу признаются недопустимыми

Обвинительный приговор по ч. 4 ст. 159 УК РФ отменен.

Б. приговорен по ч. 4 ст. 159 УК РФ к 4 годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима.

Согласно п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ в случае, если обвинительное заключение составлено с нарушением требований УПК РФ, что исключает возможность постановления судом приговора или вынесения иного решения на основании данного заключения, судья по ходатайству сторон или по собственной инициативе возвращает уголовное дело прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом.

Указанные выше требования Химкинским городским су-

дом Московской области при постановлении приговора в отношении Б. не выполнены.

Как видно из материалов уголовного дела, потерпевший К. 2 февраля 2016 года обратился к начальнику УЭБ ПК ГУ МВД России по г. Москве с заявлением о том, что в августе 2014 года передал Б. 300 000 долларов США в целях инвестирования в деятельность ООО «Алнстрой», учредителем которого являлась Б1, а генеральным директором – Б., а в апреле 2015 г. по просьбе Б. в оплату его долговых обязательств передал 100 000 долларов США. В связи с тем, что Б. и Б1 не выполнили условия договоренности и не вернули денежные средства, а потому в их действиях усматривается состав уголовно-наказуемого деяния, К. просил провести соответствующие проверочные мероприятия.

В своем объяснении К. указал, что денежные средства передавались Б. в г. Москве.

После проведения проверок старшим оперуполномоченным УВД по СВАО ГУ МВД России по г. Москве дважды выносились постановления – от 19 февраля 2016 года и 21 апреля 2016 года – об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении Б. на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ – в связи с отсутствием в его деянии признаков состава преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, которые отменялись первым заместителем прокурора СВАО г. Москвы.

28 июня 2016 года К. обратился с заявлением к начальнику УВД по СВАО ГУ МВД России по г. Москве, в котором

просил не проводить проверку по его обращению в отношении Б., ссылаясь на погашение причиненного ему ущерба.

Постановлением указанного органа дознания от 28 июня 2016 года в возбуждении уголовного дела в отношении Б. вновь было отказано в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ – за отсутствием в его деянии признаков преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ.

Указанное постановление было отменено только 19 февраля 2019 года первым заместителем прокурора СВАО г. Москвы с принятием решения о возвращении материала для дополнительной проверки в ОЭБиПК по СВАО ГУ МВД России по г. Москве. Указанный материал 26 февраля 2019 года направлен в СУ ОМВД России по г. о. Химки по запросу следователя.

Вместе с тем 8 декабря 2017 года, то есть до отмены постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, К. обратился с заявлением в УМВД России по городскому округу Химки о возбуждении уголовного дела в отношении Б. и Б1 по ч. 4 ст. 159 УК РФ по факту завладения в 2014 году принадлежащими ему денежными средствами в размере 7 500 000 руб. и 120 000 долларов США, указывая на то, что передача денежных средств состоялась в одном из ресторанов в г. Химки, уточнив, что фактически Б. он передал 300 000 долларов США и погасил за него долг в размере 100 000 долларов США, то есть привел те же обстоятельства, которые ранее были предметом проверки УВД по СВАО ГУ МВД Рос-

сии по г. Москве и по результатам которой постановлением от 28 июня 2016 года в возбуждении уголовного дела в отношении Б. было отказано.

На основании обращения К. в УМВД России по г. Химки следователем Следственного управления УМВД по городскому округу Химки 9 января 2018 года было возбуждено уголовное дело в отношении неустановленных лиц по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, по факту хищения у К. в августе 2014 года 7 500 000 руб. и 120 000 долларов США.

В ходе расследования уголовного дела Б. сначала 22 августа 2018 года, а затем, в окончательной редакции, 17 января 2019 года предъявлено обвинение в хищении у К. денежных средств в иностранной валюте в сумме, эквивалентной 13 880 542 руб., путем обмана и злоупотребления доверием в особо крупном размере, то есть по ч. 4 ст. 159 УК РФ. 10 декабря 2018 года Б. был задержан, в этот же день в отношении него Химкинским городским судом была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу.

Судебная коллегия обращает внимание на то, что по запросу заместителя начальника УМВД России по г. о. Химки от 24 мая 2018 года руководителем УМВД по СВАО МВД России по г. Москве 5 июля 2018 года уже было сообщено о принятом по результатам проверки заявления К. решении об отказе в возбуждении уголовного дела.

При таких обстоятельствах следует признать, что

уголовное дело в отношении Б. было возбуждено и доказательства по данному делу были получены при наличии неотмененного постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по тому же факту в отношении того же лица, что являлось обстоятельством, исключающим постановление приговора.

С учетом изложенного приговор в отношении Б. подлежит отмене, а уголовное дело возвращению прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом, поскольку обвинительное заключение следует признать не соответствующим требованиям ст. 220 УПК РФ, что исключает постановление судом приговора или вынесение иного решения.

Принимая во внимание, что решение суда об избрании Б. меры пресечения в виде заключения под стражу также было принято в период действия неотмененного постановления об отказе в возбуждении в отношении него уголовного дела и на основании обвинения, предъявленного в нарушение п. 5 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, мера пресечения Б. подлежит отмене. Б. из-под стражи освобожден.

Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Московского областного суда от 30.03.2021 г. по делу № 22-1302/2021.

Если лицу вменяют хищение на основании договора, то органами предварительного следствия должно быть установлено, при каких обстоятельствах данный договор был подписан обвиняемым, кто явился инициатором подписания данного договора, при каких обстоятельствах данный договор был подписан контрагентом, а также кем и при каких обстоятельствах ставились печать и дата на данный договор. Установление данных обстоятельств является необходимым для решения вопроса о наличии либо отсутствии у обвиняемого умысла на хищение чужого имущества при подписании договора

Сам по себе факт наличия или отсутствия у обвиняемого полномочий как на подписание предвари-

тельного договора, так и согласование договора уступки прав при отсутствии доказательств, подтверждающих наличие у обвиняемого умысла на совершение хищения денежных средств при подписании данных договоров, а также подтверждающих факт завладения денежными средствами непосредственно обвиняемым либо лицами, действующими по его поручению, не свидетельствует о наличии в действиях обвиняемого признаков состава преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ.

Подсудимый оправдан по ч. 4 ст. 159 УК РФ.

С. органами предварительного расследования обвиняется в совершении мошенничества, то есть хищении чужого имущества путем обмана и злоупотребления доверием, в особо крупном размере.

Преступление, по версии органов предварительного расследования, совершено при следующих обстоятельствах.

С., являясь на основании распоряжения Правительства Москвы № 8-РП от 10.01.2008 года и приказа руководителя ДГПР № 14-к от 16.01.2008 года заместителем руководителя Департамента градостроительной политики, развития и реконструкции города Москвы – начальником Управления по реализации целевого заказа в строительстве (ДГПР), имея умысел на хищение денежных средств граждан, желающих приобрести квартиру, действуя из корыстных побуждений в не установленное следствием время, но не позднее

11 января 2008 года, в качестве заместителя руководителя Департамента инвестиционных программ строительства (ДИПС) г. Москвы, прекратившего существование как юридическое лицо 7.11.2007 года, не имея полномочий, необходимых для заключения сделок по оформлению прав собственности на квартиру в г. Москве, заключил юридически ничтожный предварительный договор купли-продажи с действующей по его указанию и в его интересах матерью его жены – Я., а также договор уступки прав требования по вышеуказанному договору с Я. и В., датированный 30.12.2007 года, под предлогом которых похитил принадлежащие В. денежные средства на общую сумму 51 375 000 рублей.

Так, в соответствии с постановлением Правительства Москвы № 572-ПП от 3.07.2007 года исполнительной властью города Москвы принято решение о реорганизации ДИПС в форме преобразования в УРИПС. Названное управление являлось правопреемником ДИПС в части всех прав и обязанностей, в том числе и перед третьими лицами, покупателями жилых помещений, существующих у департамента на момент его реорганизации, и до 31.12.2007 года сохранялось в качестве самостоятельного юридического лица в составе Комплекса архитектуры, строительства, развития и реконструкции города Москвы с последующей реорганизацией в форме присоединения к ДГПР.

В соответствии с Положением об УРИПС, утвержденным постановлением Правительства Москвы № 772-ПП от

4.09.2007 года, названному управлению было предписано обеспечить исполнение ряда задач и функций, ранее возложенных на ДИПС, в том числе завершение строительства объектов адресной инвестиционной программы ДИПС; реализацию на коммерческой основе жилых площадей, принадлежащих городу Москве, построенных по городскому заказу, и контроль за данной реализацией в установленном порядке; оформление прав собственности физических лиц на завершённые строительством объекты; обеспечение деятельности МВК, осуществление иных видов деятельности в соответствии с задачами УРИПС, с возложением указанных функций с 1.01.2008 года на ДГПР.

Согласно Положению о ДГПР, утвержденному постановлением Правительства Москвы № 1191-ПП от 25.12.2007 года, названный департамент являлся правопреемником УРИПС в части всех его прав и обязанностей, в том числе и перед третьими лицами, покупателями жилых помещений, физическими лицами, существующих у УРИПС на момент его реорганизации путем присоединения к ДГПР. К основным правам и задачам ДГПР указанным Положением было отнесено в том числе сопровождение и выполнение целевых градостроительных проектов, ранее выполнявшихся под контролем УРИПС и инвестируемых с участием Правительства Москвы, включая обеспечение реализации в установленном порядке жилых площадей и других объектов, построенных по городскому заказу в рамках соответствующих

целевых программ, оформление и обеспечение регистрации имущественных прав в установленном законом порядке; заключение в установленном законом порядке в целях обеспечения исполнения задач и возложенных на ДГПР функций соответствующих договоров и соглашений; осуществление других прав и функций в соответствии с федеральным законодательством и нормативно-правовыми актами города Москвы, необходимых для решения ДГПР возложенных на него задач.

В соответствии с распоряжением Правительства Москвы № 1718-РП от 31.08.2004 года и приказом и. о. руководителя ДИПС № 39-к от 02.09.2004 года С. был назначен на должность первого заместителя руководителя указанного департамента, наделенного в соответствии с положением о ДИПС, утвержденным распоряжением мэра Москвы № 701-РМ от 17.07.2001 года, служебным контрактом от 1.11.2005 года, должностным регламентом от 9.01.2007 года, приказами и. о. руководителя ДИПС № 10 от 16.03.2005 года и № 28 от 17.05.2007 года обязанностями по подписанию гражданско-правовых договоров, заключаемых департаментом от имени правительства Москвы по реализации жилой площади на коммерческой основе, и документов по оформлению прав собственности, методических и нормативных материалов по правовой деятельности ДИПС, а также документов, регламентирующих финансовую и хозяйственную деятельность департамента.

После назначения в соответствии с приказом № 44-к начальника УРИПС на должность первого заместителя начальника названного управления с 19.11.2007 года С. осуществлял свои служебные полномочия на основании и в соответствии с Конституцией РФ, федеральным законодательством, нормативно-правовыми актами города Москвы.

Так, С., зная о прекращении существования ДИПС в соответствии с постановлениями Правительства г. Москвы, на основании распоряжения Правительства Москвы № 8-РП от 10.01.2008 года и приказа руководителя ДГПР № 14-к от 16.01.2008 года являясь заместителем руководителя ДГПР – начальником Управления по реализации целевого заказа в строительстве, в не установленное следствием время, но не ранее 11.01.2008 года, находясь на своем рабочем месте, имея доступ к печати ДИПС, а также сведениям о перечне квартир, ранее реализованных ДИПС на коммерческой основе, действуя из корыстной заинтересованности с целью быстрого и неправомерного обогащения, реализуя свой преступный умысел, при не установленных следствием обстоятельствах подготовил и подписал от имени ДИПС с Я., являющейся матерью его жены, действующей по его указанию и в его интересах, предварительный договор купли-продажи квартиры, обремененной правами Г. на основании договора-обязательства мены жилых помещений от 16.10.2007 года, который ранее был заключен им же (С.) как первым заместителем руководителя ДИПС и оплачен путем перечисле-

ния на счет ДИПС денежных средств, а также для придания совершаемым им действиям видимости законности заверил его оттиском печати ДИПС. Таким образом, при указанных условиях сделка между Я. и С. в качестве заместителя руководителя ДИПС являлась ничтожной в связи с повторной реализацией указанной квартиры.

После чего в продолжение своего преступного умысла С. привлек дочь Я. – В. и ее сожителя А., при помощи которых подыскал риэлтора ООО «ЛюксДом-Ипотека» Ю., а она, в свою очередь, – потенциального покупателя вышеуказанной квартиры В. В дальнейшем, 11.01.2008 года, Я. в присутствии А., В. и сотрудника ООО «ЛюксДом-Ипотека» В. предъявила В. и его представителям С. и О. подписанный С. не имеющий юридической силы договор купли-продажи квартиры, заключенный с Я., чем ввела В. в заблуждение относительно легитимности указанной сделки и последующих сделок по купле-продаже указанной квартиры, в связи с чем введенный в заблуждение В., заинтересованный в покупке указанной квартиры, действуя через своих представителей, риэлторов ООО «ЛюксДом-Ипотека», заключил с Я. договор возмездного оказания услуг.

С целью последующей реализации намерений по приобретению квартиры между Я. и В. было подписано соглашение о задатке от 11.01.2008 года, согласно которому Я. приняла от В. денежные средства в сумме 4 895 920 руб., эквивалентных по курсу Центрального Банка России на да-

ту заключения соглашения 200 000 долларов США, в счет стоимости приобретаемого последним права на недвижимое имущество, которые в действительности 11.01.2008 года в не установленное следствием время, находясь в офисе ООО «ЛюксДом-Ипотека», А. получил от В. и при не установленных следствием обстоятельствах передал С., который, в свою очередь, их похитил.

Затем в не установленное следствием время, но не позднее 11.01.2008 года, С. при не установленных следствием обстоятельствах подготовил договор уступки права требования между ДИПС в лице С., Я. и В., который передал Я. для подписания ей и В.

22.01.2008 года А., действуя по поручению С., арендовал банковский сейф № 2.8 в помещении ЗАО «КБ „Кедр“» (г. Москва), заключив с указанным банком соответствующий договор, предполагая использовать его для сохранности денежных средств, передаваемых В. за уступку Я. прав по предварительному договору купли-продажи вышеуказанной квартиры, а также гарантий исполнения договорных обязательств. Затем в соответствии с достигнутой между Я. и В. договоренностью последний, введенный в заблуждение легитимностью заключенного С. и Я. договора купли-продажи квартиры, в этот же день, то есть 22.01.2008 года, находясь в помещении ЗАО «КБ „Кедр“» (г. Москва), заложил в указанный банковский сейф 46 375 000 рублей, для того чтобы впоследствии, после согласования С. как заместителем ру-

ководителя ДИПС договора уступки права требования между Я. и В., в соответствии с условиями договора аренды банковского сейфа А. или Я. получили возможность доступа к заложенным в указанный банковский сейф денежным средствам.

Далее в этот же день, то есть 22.01.2008 года, в дневное время риэлтор Ю., действуя по поручению А., в соответствии с достигнутой между В. и Я. договоренностью совместно с представителем В. – С. – прибыл к зданию ДГПР, где через не установленное следствием лицо, действующее по поручению С., передал последнему три экземпляра ранее изготовленного С. договора уступки права требования, уже подписанные Я. и В., которые С., осведомленный об обременении вышеуказанной квартиры правами Г., в тот же день подписал как заместитель руководителя юридически прекратившего свое существование ДИПС и заверил их оттисками печати ДИПС, после чего передал через не установленное следствием лицо Ю. и С., которые, в свою очередь, предоставили их своим доверителям.

Получив экземпляр указанного договора, подписанного С. и заверенного печатью ДИПС, Я. при не установленных следствием обстоятельствах в не установленное следствием время, но не позднее 25.01.2008 года, изъяла из банковского сейфа № 2.8 в помещении ЗАО «КБ „Кедр“» (г. Москва) денежные средства в размере 46 375 000 рублей, принадлежащие В., после чего при не установленных следствием об-

стоятельствах передала их С., который, в свою очередь, их похитил.

Для придания совершенным сделкам законного вида во исполнение договора, заключенного между ДИПС в лице С. и Я., при не установленных следствием обстоятельствах С., используя в том числе денежные средства, полученные Я. от В. по соглашению о задатке (приложение № 01 от 11.01.2008 года к договору возмездного оказания услуг, связанных с отчуждением недвижимого имущества), а также заложенные в банковский сейф В. и изъятые оттуда Я., 17.01.2008 года, 18.01.2008 года и 25.01.2008 года перечислил на счет ДИПС через подконтрольное ему не ведущее реальной коммерческой деятельности ЗАО «ТехПромСити» денежные средства на общую сумму 16 453 160 руб., указав в качестве назначения платежей оплату по договору от 30.12.2007 года, а как основание перечисления денежных средств – несуществующие письма № 07 от 17.01.2008 года, № 08 от 18.01.2008 года и № 12 от 25.01.2008 года.

Кроме того, с целью исключения привлечения себя, а также привлеченных им лиц к уголовной ответственности, сокрытия противоправного характера своих действий и придания им видимости законных С. не позднее 11.08.2009 года при помощи своего бывшего подчиненного И., ранее занимавшего должность секретаря межведомственной комиссии (далее – МВК), имевшего доступ к электронным файлам протоколов заседания указанной комиссии, внес не соответ-

ствующие действительности изменения в протокол № 4 заседания МВК от 21.06.2007 года, а именно в пп. 1.17 и 2, исключив из них сведения о проведенной ОАО «Мосжилрегистрация» оценке рыночной стоимости квартиры Г., о принятых межведомственной комиссией решениях относительно установления стоимости одного квадратного метра при отчуждении квартиры, а также решения о реализации указанной квартиры путем обмена на квартиру Г.

Таким образом, С. из корыстных побуждений, неправомочно действуя в качестве заместителя руководителя ДИПС г. Москвы, прекратившего существование как юридическое лицо 7.11.2007 года, зная о существовании договора обязательства мены жилых помещений от 16.10.2007 года с Г., а следовательно, понимая, что Г. будет претендовать на получение квартиры согласно условиям указанного договора, при описанных обстоятельствах подыскал потенциальную жертву мошенничества В., от которого с целью осуществления мошенничества скрыл существование договора с Г. и отсутствие у него полномочий должностного лица – заместителя руководителя ДИПС, заключил от имени указанного департамента юридически ничтожный предварительный договор купли-продажи, датированный 30.12.2007 года, с действующей по его указанию и в его интересах матерью его жены Я., а также договор уступки прав требования по вышеуказанному договору, датированный 30.12.2007 года, под предлогом которых в период с 11.01.2008 года по 25.01.2008 года

описанным способом похитил принадлежащие В. денежные средства на общую сумму 51 375 000 рублей.

По предъявленному обвинению подсудимый С. вину не признал и в суде дал показания о том, что преступление в отношении В. и Г. он не совершал. Пресненским районным судом г. Москвы в отношении него был постановлен оправдательный приговор по тем же обстоятельствам, которые изложены в предъявленном ему обвинении в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ. Договор между Правительством г. Москвы в лице Департамента инвестиционных программ и В. носит исключительно гражданско-правовой характер. Обстоятельств заключения договора обязательства мены жилых помещений от 16.10.2007 года с Г. он, С., не помнит. Действительно, от Г. поступило обращение об улучшении жилищных условий. Данный вопрос должен был быть рассмотрен на заседании межведомственной комиссии, однако фактически не рассматривался. С Я. предварительный договор купли-продажи от 30.12.2007 года он подписал на общих основаниях. В. попросила его помочь в приобретении квартиры, на что С. познакомил ее с И., который и занимался этим вопросом. Весь пакет документов и все договоры готовились полностью отделом реализации жилого и нежилого фонда, возглавляемым И. После подписания представленных С. документов их забирал секретарь, затем подписанные документы забирал кто-то из отдела И. Дату в договоре С. не проставлял. Дата и номер на

договоре проставлялась отделом И. Гербова печать ДИПС г. Москвы на основании распоряжения руководителя ДИПС находилась на ответственном хранении главного бухгалтера ДИПС и доступа к ней С. не имел. С. не было известно о том, что В. продает квартиру. Трихсторонний договор уступки права требования от 30.12.2007 года между Я., В. и Департаментом С. подписал на общих основаниях, когда указанный договор поступил ему в папку для подписания документов из отдела реализации жилого и нежилого фонда Департамента, возглавляемого И. В период реорганизации ДИПС заключенные управлением договоры были подписаны от его лица, поскольку все организации были правопреемниками. При всех реорганизациях Правительством г. Москвы было принято решение о том, что система инвестиционного фонда (ДИПС) будет работать в случае реорганизации до исполнения последнего предварительного договора купли-продажи. Даты на предварительном договоре купли-продажи от 30.12.2007 года между ДИПС г. Москвы и Я. и на трехстороннем договоре уступки права требования между Я. и В. при участии ДИПС г. Москвы от 30.12.2007 года С. не проставлял. Никаких денежных средств от реализации Я. квартиры В. он, С., не получал, никаких денежных средств ни Я., ни В. никогда ему не передавали. После увольнения И. не сдал по акту документы по вопросам, рассматриваемым МВК. По этому поводу в управлении, являвшемся правопреемником ДИПС, было проведено совещание с участием

руководителя И. На совещании было установлено, что документы по работе комиссии по реализации жилья находились у И., которому было дано указание передать все необходимые документы И. После этого часть документов по работе комиссии И. передал И., а часть была утеряна. К И. с просьбой изменить пункты в протоколе МВК от 21.06.2007 года С. не обращался. И. работал в ЗАО «Интеко», где была жесткая пропускная система, и пройти в здание можно было только по предварительно заказанным пропускам. С. действительно написал и передал В. обязательство о возвращении потерпевшему 30 546 675 рублей, поскольку В. отказалась производить какие-либо выплаты, а Я. является пенсионеркой и не имеет возможности погасить перед В. задолженность.

Органами предварительного следствия не устанавливалось, при каких обстоятельствах и когда Я. либо В. обращались в ДИПС с просьбой продать им квартиру и обращалась ли она вообще с такого рода заявлением, принималось ли какое-либо решение по их заявлению, если принималось, то кем и когда. Также органами предварительного следствия не устанавливалось, при каких обстоятельствах данный договор был подписан Я., кто явился инициатором его подписания, при каких обстоятельствах данный договор был подписан С., а также кем и при каких обстоятельствах ставилась печать и дата на данный договор. Установление же данных обстоятельств являет-

ся необходимым для решения вопроса о наличии либо отсутствии у С. при подписании предварительного договора умысла на хищение чужого имущества.

Свидетель В., которая работала помощником С., пояснила, что С. никогда не просил ее напечатать какой-либо договор купли-продажи квартиры.

По обстоятельствам подписания предварительного договора купли-продажи никто из представленных стороной обвинения свидетелей не дает никаких показаний.

Таким образом, в ходе судебного следствия был установлен только факт проставления С. своей подписи в предварительном договоре купли-продажи квартиры, однако иные обстоятельства, имеющие значение для дела, не были доказаны, а именно не было представлено доказательств, подтверждающих факт изготовления предварительного договора непосредственно С. либо иным лицом по его просьбе или поручению, факт осведомленности С. при подписании предварительного договора о желании Я. реализовать квартиру и наличие на момент подписания данного договора у С. умысла на хищение денежных средств В., не доказан тот факт, что Я. при подписании предварительного договора действовала по указанию С., имеющего намерение в дальнейшем совершить хищение денежных средств. Стороной обвинения не представлено каких-либо объективных дока-

зательств данным обстоятельствам, равно как и доказательств, опровергающих доводы С. о своей непричастности к указанным фактам.

Допрошенная в ходе судебного следствия свидетель Ю. показала, что документы на сделку готовила сторона продавца недвижимости и что эти документы поступили по электронной почте от А. Свидетель А., в свою очередь, утверждает, что документы по сделке готовились В. и компанией ООО «ЛюксДом-Ипотека». **Каких-то иных доказательств, которые бы позволили суду установить, кем и при каких обстоятельствах были изготовлены эти документы, в том числе договор уступки прав, стороной обвинения представлено не было. При таких обстоятельствах, с учетом противоречивости показаний свидетеля Ю. и А. и при отсутствии иных объективных доказательств, которые бы свидетельствовали об изготовлении договора уступки права непосредственно С. либо по его просьбе, либо поручению иными лицами, суд приходит к выводу о недоказанности факта изготовления С. договора уступки права и передачи данного договора Я. для подписания.**

Допрошенный в ходе судебного следствия подсудимый С. показал, что он не помнит обстоятельств согласования договора уступки прав. Но он утверждает, что печать на договор не ставил, так как она хранилась в бухгалтерии, дату на договоре также не ставил, договор мог подписать среди прочих

документов, которые ему приносят на подпись. Подсудимый С. в суде дал показания о том, что все документы по заключению договоров готовил отдел И., от которого и поступали к нему на подпись документы. Отдел же И. проставлял даты на договоре и указывал номер, а затем уже ставилась печать, доступа к которой у С. не было.

В ходе предварительного следствия не было установлено обстоятельств, при которых данный договор уступки права был подписан, а именно кто непосредственно и при каких обстоятельствах представил С. данный договор на подпись, а также кто поставил на данном договоре печать ДИПС и дату. Также органами предварительного следствия не было установлено обстоятельств, у кого конкретно находилась печать ДИПС, прекратившего свое существование как юридическое лицо в связи с реорганизацией, кто отвечал за хранение данной печати, могла ли данная печать физически быть у С. либо мог ли С. иметь к ней доступ, кто фактически поставил печать при согласовании договора уступки.

Вышеприведенные обстоятельства как изготовления и подписания предварительного договора купли-продажи, так и изготовления и согласования договора уступки права имеют существенное значение для установления либо опровержения наличия у подсудимого С. умысла на совершение преступления при проставлении им своих подписей в договорах. С учетом утверждений С. о проставлении своей подписи в предварительном договоре и в договоре уступки права

при подписании их среди массива иных договоров и других документов, которые постоянно представлялись ему на подпись, установление вышеприведенных обстоятельств позволяло бы установить, действовал ли С. при подписании предварительного договора и согласовании договора уступки с умыслом на хищение денежных средств, совершил ли он указанные действия в силу ненадлежащего исполнения своих обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к ним либо подписал данные документы по каким-то иным причинам. Однако при рассмотрении настоящего уголовного дела стороной обвинения не было представлено доказательств, которые бы опровергали вышеприведенные утверждения С.

Кроме того, сам по себе факт наличия или отсутствия у С. полномочий на подписание как предварительного договора, так и согласование договора уступки прав при отсутствии доказательств, подтверждающих наличие у С. умысла на совершение хищения денежных средств при подписании данных договоров, а также подтверждающих факт завладения денежными средствами непосредственно С. либо лицами, действующими по его поручению, не свидетельствует о наличии в действиях С. признаков состава преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ.

Допрошенный в ходе судебного следствия подсудимый С. отрицал факт получения им денежных средств, а также отри-

цал какую-либо причастность к компании ЗАО «ТехПромСити».

Ни один из допрошенных в ходе судебного следствия свидетелей не давал показаний, подтверждающих, что им было известно о передаче денежных средств С., а также об обстоятельствах такой передачи.

Показания свидетелей М. и Н. об обстоятельствах поступления денежных средств от ЗАО «ТехПромСити» и Г. свидетельствуют исключительно о фактах перечисления денежных средств, не опровергают и не подтверждают факта получения С. денежных средств. Стороной обвинения доказательств наличия какой-либо взаимосвязи между С. и компанией ЗАО «ТехПромСити» не представлено. Исследованная в ходе судебного следствия копия выписки из ЕГРЮЛ в отношении ЗАО «ТехПромСити» не свидетельствует о наличии какой-либо связи С. с данной компанией.

В ходе судебного следствия было установлено, что денежные средства в сумме 200 000 долларов США, переданные потерпевшим В. в качестве задатка, были переданы им непосредственно А., который данное обстоятельство отрицает. Об обстоятельствах передачи данных денежных средств С. А. никаких показаний не дает, отрицая какую-либо осведомленность С. относительно продажи квартиры Я. В. Никаких иных доказательств, свидетельствующих о передаче данных денежных средств А. непосредственно С. лично либо через каких-то иных лиц, стороной обвинения не представлено.

Денежные средства в сумме 46 375 000 рублей были заложены потерпевшим В. в банковскую ячейку, арендованную на имя А. Данные обстоятельства подтверждаются как показаниями потерпевшего В., так и показаниями свидетелей Ю. и С. о том, что А. и В. ходили в хранилище банка.

Согласно показаниям свидетеля А., оглашенным в ходе судебного следствия, ему было неизвестно, кто забрал денежные средства из принадлежащей ему ячейки. В ходе судебного следствия А. утверждал, что данные денежные средства забрала В. или ее представитель по его звонку в банк.

Согласно же предъявленному С. обвинению, денежные средства из банковской ячейки забрала Я., которая являлась стороной по договору уступки права и которая, по мнению следствия, при не установленных следствием обстоятельствах передала эти денежные средства С. Данному обстоятельству стороной обвинения не представлено никаких доказательств.

Органами предварительного следствия не было установлено, имел ли кто-либо, кроме А., доступ к банковской ячейке, посещал ли кто-либо банковскую ячейку в отсутствие А., сколько было ключей от банковской ячейки, а также при каких обстоятельствах и кто мог получить и кто в конечном итоге получил доступ к данным денежным средствам.

Документы, изъятые в ходе выемки 11.09.2013 года в помещении московского филиала «На Вернадского» ЗАО «КБ „Кедр“», касающиеся аренды банковской ячейки А., свиде-

тельствуют о том, что договор аренды был заключен исключительно с А. Каких-либо доверенностей на право пользования данной банковской ячейкой иными лицами в ходе данной выемки обнаружено не было. Также не было обнаружено иных документов, свидетельствующих о доступе к банковской ячейке А. иных посторонних лиц.

Таким образом, стороной обвинения не было представлено достаточных и бесспорных доказательств тому обстоятельству, что доступ к банковской ячейке А. имелся у Я. либо В.

Стороной обвинения не было представлено доказательств, что передача денежных средств В. осуществлялась под контролем С. либо по его указанию, что С. был вообще осведомлен о передаче денежных средств В., а также что данные денежные средства были переданы С.

При таких обстоятельствах, с учетом изложенных выше обстоятельств, утверждение органов предварительного расследования о передаче А. и Я. денежных средств С. при не установленных следствием обстоятельствах является предположением, не подтвержденным какими-либо доказательствами.

При этом судом также учитывается, что в отношении Я. и А. органами предварительного расследования приняты решения об отсутствии в их действиях признаков состава преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ, так как они, по

мнению органов предварительного следствия, были не осведомлены о преступном характере действий С., а Я. не могла отказаться от выполнения указаний С. в силу наличия между ними родственных отношений.

Показания потерпевшего В. о том, что С. просил у него прощения и написал расписку о возмещении ущерба, не свидетельствует о виновности подсудимого. Как пояснил С., он хотел рассчитаться за свою родственницу, чтобы у нее не было неприятностей. Стороной обвинения данные утверждения С. не опровергнуты.

В соответствии с ч. 2 ст. 14 УПК РФ подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения.

В соответствии с ч. 3 ст. 14 УПК РФ все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, установленном УПК РФ, толкуются в пользу обвиняемого. В соответствии с ч. 4 ст. 14 УПК РФ обвинительный приговор не может быть основан на предположениях.

Учитывая вышеизложенное, суд приходит к выводу о том, что причастность С. к совершению преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, не установлена, в связи с чем С. подлежит оправданию.

Приговор Останкинского районного суда г. Москвы по делу № 10-/2016.

Апелляционным определением судебной коллегия по уголовным делам Московского городского суда от 21.09.2016 года приговор оставлен без изменения.

Судебная коллегия отметила, что ни один из допрошенных как в ходе предварительного следствия, так и в ходе судебного разбирательства свидетелей не давал показаний о том, что им было известно о том, что именно С. подготовил от имени Я. предварительный договор купли-продажи квартиры, подготовил договор уступки права требования указанной квартиры; о том, что С. был осведомлен о желании Я. реализовать квартиру; о том, что Я. и А. действовали по указанию С., а также что им было известно о том, что денежные средства были переданы С. Письменные доказательства, представленные стороной обвинения, также не подтверждают указанных обстоятельств, а также не подтверждают, что С. при подписании указанных договоров имел корыстную цель и умысел на хищение денежных средств потерпевшего.

Кроме того, в ходе предварительного следствия не было установлено, кто именно забрал из банковской ячейки денежные средства, заложенные в нее потерпевшим, не были представлены такие сведения стороной обвинения и в суды первой и апелляционной инстанции.

Показания свидетелей Ю., С. и В., которые участвовали при заключении сделки по купле-продаже квартиры, при заключении между Я. и потерпевшим договора уступки права

требования, не доказывают того обстоятельства, что С. был осведомлен о проводимых переговорах по продаже квартиры.

Помимо этого, суд обоснованно сослался на вступившее в законную силу решение суда г. Москвы, которым договор мены жилых помещений признан незаключенным, так как, по мнению суда, при заключении договора мены с Г. установленный распорядительными документами порядок предоставления жилья Г., включая порядок определения цены, был нарушен, и решение по реализации указанной площади не принималось.

Показания свидетеля И. о том, что он встретился с С., последний в ходе личной беседы, угрожая возможными неприятностями, попросил переделать текстовку протокола, убрав из него пункт, содержащий сведения об установлении стоимости одного квадратного метра квартиры, и изменить пункт, содержащий сведения о производстве мены квартиры с Г., а также сведения о проведенной оценке рыночной стоимости квартиры, на что он согласился и по просьбе С. в протоколе заседания изменил пункты, после чего данный протокол в течение нескольких дней передал через своего секретаря в приемную С., также не нашли объективного подтверждения, а, наоборот, опровергаются показаниями свидетеля А., которая работала секретарем у И., из которых следует, что она не носила никаких документов в приемную С., а также никогда не видела его в здании и не заказывала ему

пропуск.

Кроме того судом первой инстанции обоснованно было учтено, что Г., Н., а также И. являются заинтересованными лицами, так как Г. и Н. претендуют на получение квартиры, а свидетель И. в инкриминируемый С. период отвечал за нормальный документооборот.

Четыре лица, действующие в составе организованной преступной группы, занимавшейся обналичиванием денежных средств, оправданы по ч. 4 ст. 159 УК РФ в связи с недоказанностью факта причинения ущерба

Ш., А., К. и К. осуждены по ч. 4 ст. 159 УК РФ к 2 годам 10 месяцам лишения свободы.

Согласно ст. 297 УПК РФ приговор признается законным, обоснованным и справедливым, если он постановлен в соответствии с требованиями УПК РФ и основан на правильном применении уголовного закона.

Суд апелляционной инстанции приходит к выводу, что указанные требования закона судом первой инстанции в части осуждения Ш., А., К. и К. по ч. 4 ст. 159 УК РФ не выполнены.

Согласно предъявленному осужденным обвинению, что

также установил в приговоре суд первой инстанции, Ш., А., К. и К., действуя в составе организованной группы, осуществляя незаконную деятельность по обналичиванию денежных средств, договорились с Р., представлявшим интересы различных обществ с ограниченной ответственностью, об обналичивании денежных средств, находящихся на счетах представляемых им юридических лиц, в общей сумме 19 128 476,46 рубля, используя расчетные счета организаций, подконтрольных членам организованной группы. Затем Ш. посвятил участников организованной группы в свои преступные намерения по хищению вышеуказанных денежных средств после их поступления на счета подконтрольных членам преступной группы юридических лиц. Когда денежные средства были перечислены, Ш., А., К. и К. в соответствии с разработанным планом частично их обналичили: 1 036 269 рублей, за вычетом 4 % от суммы, передали Р.; остальную сумму перечислили на иные подконтрольные участникам организованной группы банковские счета физических лиц, которые были обналичены и похищены. Кроме того, осуществили расчетные операции с поступившими безналичными денежными средствами, производя расчет за приобретенное в собственность преступной группы имущество, тем самым похитив их.

Таким образом, Ш., А., К. и К., действуя в составе организованной группы, путем обмана и злоупотребления доверием похитили денежные средства в сумме 18 092 207,46 руб-

ля, то есть в особо крупном размере, принадлежащие различным обществам с ограниченной ответственностью.

В обоснование выводов о виновности Ш., А., К. и К. судом первой инстанции приведены доказательства:

– показания представителя потерпевшего Р. о том, что на строительство базы он получил займы от ООО «А» на сумму 1 995 628,56 рубля, от ООО «Б» – на сумму 6 989 045, 90 рубля, от ООО «В» – на сумму 4 900 000 рублей, от ООО «Г» – на сумму 3 300 000 рублей. Обналичить денежные средства договорился с Ш. за 4 % от поступившей суммы. Разными платежными поручениями он перечислял разные суммы на реквизиты различных обществ с ограниченной ответственностью, вернуть деньги в наличной форме должны были в течение 5—7 дней, однако до настоящего времени денежные средства возвращены не были. По поводу обналичивания денежных средств он неоднократно встречался с Ш. и А. Во время разговоров неоднократно присутствовал Ш.;

– показания свидетеля П., которому из общения с супругами Ш. известно, что они занимаются обналичиванием денежных средств, используя лицевые счета подконтрольных им организаций. По просьбе Р. помочь обналичить деньги познакомил его с супругами Ш., во время знакомства с ними присутствовал А. От Р. ему стало известно, что тот воспользовался услугами Ш., однако денежные средства они не вернули;

– показания свидетеля П. о том, что он являлся номиналь-

ным директором ООО «А», фактическим директором был Р., по указанию которого он зарегистрировал юридическое лицо на себя, открыл счет в банке, который был подключен к системе дистанционного управления;

- показания свидетеля К. С. П. по обстоятельствам оформления на себя автомобиля по просьбе осужденного К.;

- показания свидетеля Л., что, являясь директором ООО «Б», принял предложение Р. инвестировать 2 000 000 рублей в строительство базы. Снимать такую сумму со счета было невыгодно, и он по предоставленным Р. договору поставки строительных материалов и реквизитам перечислил на расчетный счет общества денежные средства в суммах 1 220 307,14 рубля и 775 321,42 рубля. Однако Р. пояснил ему, что общество с ограниченной ответственностью не поставило строительных материалов, и денежные средства похищены.

Согласно действующему законодательству, способом завладения чужим имуществом при мошенничестве является обман собственника или иного владельца имущества, состоящий в сознательном сообщении заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений, направленных на введение его в заблуждение искажением фактов или умалчиванием об известных ему обстоятельствах. Любая форма обмана и злоупотребления доверием сводится к тому, что виновный путем уверений или умолчаний создает у потерпевшего уверенность в правомерности или выгоды для него пе-

редачи имущества. Между тем ни в предъявленном обвинении, ни в приговоре не указано, в чем выразился обман или злоупотребление доверием при завладении осужденными денежными средствами обществ.

Из описательно-мотивировочной части приговора следует, что в результате мошеннических действий осужденных материальный вред причинен различным обществам, то есть потерпевшими являются юридические лица. Директорами обществ на тот момент были В. И. А., П. Ю. В., С. О. В. и Л. Е. В. соответственно.

Вместе с тем из показаний руководителей вышеуказанных обществ П. Ю. В., С. О. В., Л. Е. В., допрошенных в ходе судебного разбирательства в качестве свидетелей, установлено, что они одолжили денежные средства Р. как физическому лицу, который выполнил перед ними свои обязательства и вернул заемные денежные средства. Из показаний руководителей обществ видно, что никаких сделок с осужденными как лично, так и посредством Р. они не заключали, инкриминируемые денежные средства осужденным не передавали, материальных претензий к ним не имеют. Свидетели утверждали, что общества перечислили денежные средства в качестве займа Р. на указанные последним счета организаций.

Более того, признанный по делу представителем потерпевших Р. не отрицал, что в личных целях позаимствовал у обществ денежные средства, которые попытался об-

наличить, прибегнув к помощи Ш., А., К. и К., достоверно зная о том, что они занимаются банковской деятельностью незаконно. Обстоятельства, связанные с хищением денежных средств Р. как физическим лицом, не вменялись в вину осужденным. Кроме того, как следует из исковых требований, представитель потерпевших Р. просит взыскать суммы причиненного материального ущерба в его пользу, а не в пользу вышеуказанных обществ.

Директора обществ с заявлениями о том, что осужденными причинен имущественный вред, в правоохранительные органы не обращались, в связи с чем никого, в том числе и Р., не уполномочивали представлять их интересы как потерпевших. Доверенности на имя Р., которые имеются в материалах уголовного дела, выданы до рассматриваемых событий. Надлежащие доверенности, подтверждающие правомочия Р. представлять интересы обществ-потерпевших, по настоящему уголовному делу отсутствуют.

Таким образом, ни каждое доказательство в отдельности, ни все они в совокупности не свидетельствуют о совершении Ш., А., К. и К. преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, в отношении обществ.

С учетом изложенного и в соответствии с п. 8 ч. 1 ст. 389.20 УПК РФ суд апелляционной инстанции, соглашаясь с доводами стороны защиты, находит необходимым приговор в части осуждения Ш., А., К. и К. по ч. 4 ст. 159 УК РФ отме-

нить и уголовное преследование в этой части прекратить за отсутствием в их действиях состава преступления, признав за ними право на реабилитацию.

На основании ч. 2 ст. 306 УПК РФ гражданский иск Р. о взыскании в его пользу с Ш., А., К. и К. в солидарном порядке 18 092 207 рублей 50 копеек в счет возмещения материального ущерба, 10 000 000 рублей в счет компенсации морального вреда подлежит оставлению без рассмотрения.

Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Алтайского краевого суда от 27.09.2019 г. по делу № 22-3849/2019.

Наличие гражданско-правовой сделки между потерпевшим и подсудимым исключает хищение денежных средств путем злоупотребления доверием. Органами предварительного следствия должны быть представлены достаточные и убедительные доказательства того, что лицо, получая от кредитора денежные средства, не намеревалось при этом исполнять взятые на себя обязательства, связанные с условиями передачи ему указанных в расписке денежных средств, и того, что у него имелся умысел, направленный на хищение денег потерпевшего

Довод обвинения, что умысел подсудимого на хищение чужого имущества путем мошенничества усматривается в том, что подсудимый имел возможность вернуть потерпевшему полученные от послед-

него в долг денежные средства, но не вернул их, судом опровергнут тем, что неисполнение должником обязательств по гражданско-правовому договору предусматривает только гражданско-правовую ответственность.

Факт отчуждения подсудимым принадлежащего ему имущества, признаки его фиктивного или преднамеренного банкротства, многократное изменение подсудимым места жительства не свидетельствуют о наличии в действиях подсудимого состава мошенничества, не относятся к предмету доказывания по уголовному делу.

Длительные финансовые отношения, в рамках которых кредитор давал подсудимому в долг денежные средства, не свидетельствуют о прямом умысле подсудимого на хищение и злоупотреблении доверием потерпевшего.

Факт передачи денежных средств потерпевшим подсудимому, как и наличие у последнего возможности возвратить долг в установленный договором займа срок, в отсутствие доказательств умысла на хищение этих денежных средств до их передачи не могут свидетельствовать о мошеннических действиях подсудимого.

Лицо оправдано по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, на ос-

новании отсутствия в его действиях состава данного преступления.

Органами предварительного следствия Л. обвиняется в совершении мошенничества, то есть хищения чужого имущества путем злоупотребления доверием, совершенного в особо крупном размере, а именно в том, что он, руководствуясь корыстным мотивом, в целях незаконного обогащения, имея умысел, направленный на хищение чужого имущества в особо крупном размере путем злоупотребления доверием, в не установленное следствием время, но не позднее 24 ноября 2010 года, руководствуясь описанной выше преступной мотивацией, находясь в не установленном следствием месте, разработал преступный план, выбрав в качестве объекта своих будущих преступных посягательств денежные средства, принадлежащие ранее ему знакомому А. Так, Л., обладая информацией о том, что А. располагает значительной суммой денежных средств, предполагал, используя доверительные отношения с последним, возникшие вследствие длительных дружеских отношений, а также имевшихся ранее бесконфликтных финансовых отношений с ним, то есть злоупотребляя доверием последнего, попросить у А. денежные средства в долг для развития бизнеса, при этом заведомо не намереваясь в последующем совершать действия по возврату полученных в долг денежных средств, указав при этом в целях придания своим действиям убедительности и введения в заблуждение А. ориентировочный срок возврата.

Далее, убедив А. передать ему денежные средства, продолжая злоупотреблять доверием А., Л. предполагал получить от него данные денежные средства, заверив при этом А. в их последующем возврате, однако в последующем, имея финансовую возможность возвращения долга, денежные средства не возвращать, а похищенными таким образом денежными средствами распорядится по своему усмотрению. При этом Л. допускал, что в целях придания правомерного вида своим действиям и введения в заблуждение А. им при необходимости будет написана долговая расписка на полученную от А. сумму денежных средств. Кроме того, Л. в целях избегания имущественных взысканий в результате действий А. при обращении в правоохранительные органы, которые могли быть обращены на принадлежащее ему имущество, предполагал в таком случае совершить сделки по отчуждению данного имущества в пользу третьих лиц.

Так, реализуя свои преступные намерения, направленные на хищение денежных средств в особо крупном размере, принадлежащих А., действуя в соответствии с ранее разработанным преступным планом, Л. в период времени не ранее 1 января 2010 года и не позднее 24 ноября 2010 года, точное время следствием не установлено, находясь в не установленном следствием месте, используя доверительные отношения с А., возникшие вследствие длительных дружеских отношений, а также имевшихся ранее с ним бесконфликтных финансовых отношений, предполагая, что, учитывая его по-

ложительную финансовую репутацию, А. согласится вновь иметь с ним финансовые взаимоотношения, попросил у А. денежные средства в долг для их вложения в бизнес, на что последний согласился. В результате между Л. и А. в указанный период времени достигнута совместная договоренность о передаче вторым первому денежных средств с их последующем возвратом. При этом Л. возвращать данную сумму денежных средств А. заведомо не намеревался, а имел целью похитить их и распорядиться ими по своему усмотрению.

Далее, действуя в продолжение реализации своих преступных намерений, направленных на хищение денежных средств, принадлежащих А., Л., злоупотребляя доверием А., 24 ноября 2010 года получил от А. денежные средства, обещавшись вернуть названную сумму денежных средств в срок до 24 ноября 2012 года, написав при этом в целях убедительности своих действий и придания им правомерного вида расписку о получении указанной суммы денежных средств. Похищенными таким образом денежными средствами Л. впоследствии при не установленных следствием обстоятельствах распорядился по своему усмотрению.

Далее, действуя в продолжение реализации своих преступных намерений, направленных на хищение денежных средств, принадлежащих А., Л., злоупотребляя доверием А., 6 сентября 2011 года получил от А. денежные средства, обещавшись их вернуть, написав при этом в целях убедительности своих действий и придания им правомерного вида

расписку о получении указанной суммы денежных средств. Похищенными таким образом денежными средствами Л. впоследствии при не установленных следствием обстоятельствах распорядился по своему усмотрению.

Впоследствии Л. частично либо полностью денежные средства не возвратил, имея для этого финансовую возможность, поскольку согласно справке об исследовании № 96 от 24 декабря 2018 года за период с 11 августа 2011 года по 22 мая 2014 года он получил в качестве возврата временной финансовой помощи учредителя денежные средства.

При этом во исполнение своего преступного умысла в части сокрытия имущества, на которое могло быть обращено взыскание суммы долга в пользу А., Л. на основании договора дарения от 10 сентября 2015 года переоформил принадлежащее ему право собственности на земельный участок площадью 1490 м² на свою мать Ф., которое было зарегистрировано на ее имя 22 сентября 2015 года.

Также во исполнение своего преступного умысла в части сокрытия имущества, на которое могло быть обращено взыскание суммы долга в пользу А., Л. на основании договора дарения от 10 сентября 2015 года переоформил принадлежащее ему право собственности на жилой дом площадью 484 м² на свою мать Ф., которое было зарегистрировано на ее имя 22 сентября 2015 года.

Таким образом, Л. органами предварительного следствия обвиняется в том, что путем злоупотребления доверием по-

хитил принадлежащие А. денежные средства в особо крупном размере.

Суд на основе исследованных доказательств, представленных обвинением, пришел к убеждению, что выводы предварительного следствия о доказанности вины Л. в совершении мошенничества путем злоупотребления доверием А. носят вероятностный характер и не отвечают требованиям допустимости, поскольку базируются не на доказательствах, а на предположениях, не являющихся средствами доказывания.

Проведенный судом анализ доказательств по делу позволил прийти к выводу о том, что стороной обвинения не представлено бесспорных доказательств, однозначно свидетельствующих о том, что подсудимый Л. совершил мошенничество в отношении А., а также свидетельствующих о том, что он умышленно с целью хищения имущества потерпевшего втерся к нему в доверие и, злоупотребляя этим доверием, завладел денежными средствами последнего, поскольку все вышеприведенные представленные стороной обвинения доказательства, включающие показания потерпевшего, свидетелей обвинения и защиты, а также заключения экспертов, заявление потерпевшего, вещественные доказательства, исследование финансово-хозяйственной деятельности подсудимого и его компаний и иные документы, не уличают Л. в совершении инкриминируемого ему деяния, а лишь свидетельствуют о том, что в указанный потерпевшим и свидетелями период времени между А. и Л. был заключен и ре-

ализован договор займа, который предусматривал лишь одно условие – вернуть указанную сумму не позднее 24 ноября 2012 года. По наступлении срока возврата указанных средств А. вплоть до обращения в правоохранительные органы 8 июня 2016 года о совершенном у него хищении денежных средств не заявлял, а реализовал свое право на судебную защиту в порядке гражданского судопроизводства, на основании указанного договора займа с Л. от 24 октября 2011 года обратившись в 2015 году в Кузьминский районный суд Москвы с иском к Л. о взыскании долга по расписке.

Решением Кузьминского районного суда Москвы от 12 октября 2015 года, вступившим в законную силу 22 марта 2016 года, исковые требования А. к Л. о взыскании денежных средств по договору займа были удовлетворены.

Далее А., реализуя свое право на защиту в порядке гражданского судопроизводства в соответствии с требованиями ст. 395 ГК РФ, обратился в Кузьминский районный суд Москвы с иском к Л. о взыскании с последнего процентов за пользование чужими денежными средствами за последние три года до даты подачи иска в суд. Решением Кузьминского районного суда от 25 мая 2016 года эти требования потерпевшего также удовлетворены.

Кроме того, из решения Арбитражного суда Московской области от 23 марта 2018 года следует, что А. обратился в арбитражный суд с заявлением о признании Л. несостоятельным (банкротом) и определением Арбитражного суда

г. Москвы от 3 июня 2016 г. данное заявление принято к производству, впоследствии дело передано на рассмотрение Арбитражного суда Московской области по подсудности и определением Арбитражного суда Московской области от 8 сентября 2017 года в отношении должника Л. введена процедура банкротства – реструктуризация долгов гражданина. Указанным решением Арбитражного суда Московской области от 23 марта 2018 года Л. признан несостоятельным (банкротом) и в отношении него введена процедура банкротства гражданина – реализация имущества. На основании определения Арбитражного суда Московской области от 13 марта 2019 года срок реализации имущества продлен до 19 сентября 2019 г., денежные требования А. включены в третью очередь кредиторов.

Органами предварительного следствия не представлено достаточных и убедительных доказательств того, что Л., получая от А. денежные средства, не намеревался при этом исполнять взятые на себя обязательства, связанные с условиями передачи ему указанных в расписке денежных средств, и того, что у него имелся умысел, направленный на хищение денег потерпевшего.

Согласно показаниям потерпевшего А. денежные средства брались подсудимым на развитие бизнеса, и договор займа был обеспечен поручительством второго участника компании Д., в отношении которого потерпевший не выдви-

гает обвинений в мошенничестве, поскольку доверия к нему не утратил вплоть до смерти последнего. Кроме того, Л. периодически в течение долгого времени брал у него в долг денежные средства под различные личные нужды его семьи, при этом займы никогда не оформлялись и Л. исполнял свои обязательства, регулярно возвращая А. эти займы сам или через сотрудников своей фирмы. А. также подтвердил, что Л. всегда был добросовестным заемщиком.

Допрошенные в судебном заседании свидетели защиты подтвердили факт того, что в те или иные периоды они лично присутствовали и видели, как Л. встречался с А. и передавал ему в руки наличные денежные средства в значительных размерах.

Оценивая все вышеприведенные показания свидетелей защиты, суд полагает, что они не подтверждают факт возврата Л. потерпевшему суммы долга по договору займа от 24 ноября 2011 года, поскольку ни один из свидетелей защиты не указывает, что деньги возвращались именно по указанному договору, и документов, подтверждающих исполнение Л. обязательств по данному договору, не представлено, однако показания свидетелей защиты подтверждают наличие между А. и Л. длительных финансовых отношений, в рамках которых А. давал подсудимому в долг денежные средства, в том числе и под проценты на развитие бизнеса, то есть желал получать доход от вкладываемых денежных средств в рентабельный до определенного времени бизнес подсудимого.

Доводы обвинения о том, что Л. заранее знал, что не собирается возвращать деньги, ничем не подтверждаются, доказательств, что Л. имел преступный умысел на хищение денег при получении займов, суду не представлено, как не представлено доказательств того, что умысел не возвращать полученные денежные средства возник у Л. до их получения.

В соответствии с п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» злоупотребление доверием при мошенничестве заключается в использовании с корыстной целью доверительных отношений с владельцем имущества или иным лицом, уполномоченным принимать решения о передаче этого имущества третьим лицам. Доверие может быть обусловлено различными обстоятельствами, например, служебным положением лица либо его личными отношениями с потерпевшим. Злоупотребление доверием также имеет место в случаях принятия на себя лицом обязательств при заведомом отсутствии у него намерения их выполнить с целью безвозмездного обращения в свою пользу или в пользу третьих лиц чужого имущества или приобретения права на него. Однако таких обстоятельств, свидетельствующих о том, что Л. заведомо не собирался возвращать долг и, получив денежные средства, распорядился ими по своему усмотрению, судом в ходе исследования всей совокупности представленных доказательств не установлено.

Анализ справок и выписок из ЕГЮРЛ позволяет суду сде-

лать вывод о том, что Л. в период получения от А. денежных средств по договору займа от 24 ноября 2011 года вел активную финансово-хозяйственную деятельность и им вносились на счета компаний крупные денежные суммы. Данные доказательства обвинения не опровергают показания Л. о том, что полученные от А. денежные средства использовались им на развитие бизнеса. Указанные обстоятельства противоречат выводам следствия об использовании Л. полученных от А. по договору займа от 24 ноября 2011 года денежных средств по своему усмотрению, а также о том, что, принимая на себя обязательства о направлении получаемых в долг денежных средств на развитие бизнеса и возврате впоследствии данных денежных средств с процентами, Л. заведомо был не намерен их выполнять, имея цель безвозмездно обратить данные денежные средства в свою пользу.

Утверждение обвинения о том, что расписка о получении от А. денежных средств и договор займа с последним были составлены Л. во исполнение своих преступных намерений, направленных на хищение денежных средств, принадлежащих А., в целях убедительности своих действий и придания им правомерного вида, противоречат требованиям ст. 808 ГК РФ, которой предусмотрено, что договор займа между гражданами должен быть заключен в письменной форме, если его сумма превышает десять тысяч рублей, в подтверждение договора займа и его условий может быть представлена расписка заемщика или иной документ, удостоверяющий

передачу ему займодавцем определенной денежной суммы или определенного количества вещей. Составление А. и Л. указанных документов не свидетельствует о намерении сторон избежать ответственности по взятым на себя обязательствам.

Факт совершения Л. в сентябре 2015 года сделок по отчуждению принадлежащих ему на праве собственности двух жилых домов, двух участков земли и квартиры не свидетельствует о наличии в действиях Л. состава преступления (мошенничества), совершенного в период с 1 января 2010 года по 14 января 2011 года, и не может свидетельствовать о наличии у подсудимого преступного умысла на хищение имущества, полученного от потерпевшего в 2011 году. Выводы следствия о том, что данные действия совершены Л. в целях избегания имущественных взысканий со стороны А. при обращении в правоохранительные органы, которые могли быть обращены на принадлежащее Л. имущество, также не соответствуют действительности, поскольку в правоохранительные органы А. обратился только 8 июня 2016 года, и не свидетельствуют о наличии в действиях подсудимого состава мошенничества.

Довод обвинения о том, что умысел подсудимого на хищение чужого имущества путем мошенничества усматривается в том, что Л. имел возможность вернуть А. полученные от последнего в долг денежные средства, поскольку согласно справкам об исследо-

вании финансово-хозяйственных документов закрытого акционерного общества подсудимый получил в качестве возврата заемных средств от закрытого акционерного общества денежные средства в размере нескольких миллионов рублей, но не вернул долг А., по мнению суда, не обоснован, так как неисполнение Л. обязательств по гражданско-правовому договору, которое и было установлено в ходе судебного разбирательства, предусматривает гражданско-правовую ответственность (ст. 395, 405 ГК РФ), реализованную посредством решения Кузьминского районного суда г. Москвы от 12 октября 2015 года, которым денежные средства взысканы с заемщика в пользу А., по инициативе которого в дальнейшем возбуждена процедура банкротства Л. в Арбитражном суде Московской области и в настоящее время идет процедура реализации имущества должника, а также решением Кузьминского районного суда г. Москвы от 25 мая 2016 года удовлетворены иски А. и с Л. взыскана неустойка за пользование чужими денежными средствами.

В связи с изложенным, анализируя все вышеприведенные доказательства, суд приходит к выводу, что все связанные с договором займа от 24 ноября 2011 года взаимоотношения между подсудимым и потерпевшим носят исключительно гражданско-правовой характер, и наличие гражданско-правовой сделки между Л. и А. исключает хищение денежных средств путем злоупотребления до-

верием.

В связи с тем, что в силу ст. 15 УПК РФ суд не является органом уголовного преследования и не может выступать на стороне обвинения или защиты, а создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществляет предоставленные им права, судом приняты все предусмотренные законом меры по вызову в судебные заседания лиц, указанных в списке подлежащих вызову в суд, и суд полагает, что исчерпаны все возможности получения и предоставления сторонами доказательств.

В соответствии с ч. 1 ст. 14 УК РФ преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное Уголовным кодексом Российской Федерации под угрозой наказания.

Диспозиция ч. 4 ст. 159 УК РФ устанавливает ответственность в том числе за хищение лицом чужого имущества путем злоупотребления доверием в особо крупном размере. В то же время установленные обстоятельства получения Л. денег от потерпевшего А., цели и мотивы его действий позволяют суду прийти к выводу об отсутствии в действиях подсудимого признаков мошенничества. Судом по результатам исследования всех представленных сторонами доказательств установлено, что денежные средства получены Л. от потерпевшего в ходе заключенной между ними гражданско-правовой сделки, на основании заключенного между ними договора займа, последствия неисполнения которой были раз-

решены путем вынесения решений Кузьминским районным судом г. Москвы, которыми с Л. взысканы денежные средства и проценты за пользование денежными средствами, а также решением Арбитражного суда Московской области, признавшим Л. банкротом и введшим процедуру банкротства.

Суд полагает, что в соответствии со ст. 302 УПК РФ обвинительный приговор не может быть основан на предположениях, а все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены, толкуются в его пользу, как это предусмотрено ст. 49 Конституции РФ и ст. 14 УПК РФ о презумпции невиновности.

В связи с тем, что в ходе судебного следствия на основе исследованных доказательств достоверно не установлено наличие в действиях Л. состава преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, то есть мошенничества, а именно хищения путем злоупотребления доверием А. денежных средств в особо крупном размере, принадлежащих последнему, Л. подлежит оправданию по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, по основанию отсутствия в его действиях состава данного преступления.

Судебная коллегия по уголовным делам Второго кассационного суда в кассационном определении от 19.05.2020 года указала, что в соответствии с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в определении от 29 января 2009 года № 61-О-О, привлечение к

уголовной ответственности за мошенничество, совершенное под прикрытием правомерной гражданско-правовой сделки, возможно лишь в случае, если будет доказано, что, заключая такую сделку, лицо действовало умышленно, преследуя цель хищения имущества или приобретения права на чужое имущество. При этом преступный умысел лица входит в предмет доказывания по уголовному делу.

Проверив и оценив собранные по делу доказательства, суд первой инстанции пришел к обоснованному выводу о том, что доводы стороны обвинения о наличии у Л. преступного умысла на хищение денег А. до их получения по договору займа от 24 октября 2011 года в ходе судебного следствия не нашли подтверждения и, по существу, основаны на предположениях, которые в силу ч. 4 ст. 14 УПК РФ исключают постановление по делу обвинительного приговора.

Факт передачи денежных средств А. оправданно-му, как и наличие у последнего возможности возвратить долг в установленный договором займа срок, судом не опровергнуты, однако сами по себе данные обстоятельства в отсутствие доказательств умысла на хищение этих денежных средств до их передачи не могут свидетельствовать о мошеннических действиях оправданного.

Иные обстоятельства, на которые ссылается автор жалобы (совершение Л. сделок по отчуждению принадлежащего ему имущества, признаки его фиктив-

ного или преднамеренного банкротства, многократное изменение оправданным места жительства), не имеют отношения к деянию, в совершении которого обвинялся Л., имевшему место в 2010—2011 годах.

Приговор Черемушкинского районного суда г. Москвы от 14.10.2019 г. по делу № 1-358/19.

Если инкриминируемые лицу действия являются составной частью преступления, по поводу которого было возбуждено уголовное дело, то самостоятельного возбуждения уголовного дела не требуется

Постановлением Калининского районного суда г. Чебоксары Чувашской Республики от 26 мая 2020 года уголовное дело в отношении Л. прекращено на основании п. 4 ч. 1 ст. 27 УПК РФ в связи с наличием в отношении нее вступившего в законную силу приговора по тому же обвинению.

Органом предварительного следствия Л. обвинялась в том, что в период с 5 декабря 2015 года по 8 августа 2016 года путем обмана и злоупотребления доверием похитила денежные средства П. в особо крупном размере при обстоятельствах, изложенных как в обвинительном заключении, так и в постановлении суда.

Так, по настоящему уголовному делу органами предварительного расследования Л. обвинялась в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, а именно в том, что путем обмана П. ложными обещаниями об оказании услуг по снятию порчи и проклятия убедила последнюю передать ей денежные средства, в результате чего П., будучи введенной Л. в заблуждение относительно своих способностей лечения методами нетрадиционной медицины и действенности производимых ритуалов, с целью снятия порчи и исцеления своего сына передала Л. 5 декабря 2015 года наличные деньги в сумме 33 000 рублей, 9 декабря 2015 года – набор кастрюль стоимостью 6 164 рубля, а также осуществила для Л. переводы денежных средств на банковскую карту К. 31 января, 28 марта, 1 апреля и 8 августа 2016 года – каждый раз в размере 300 000 рублей.

Общая сумма причиненного П. ущерба составила 1 233 000 рублей, которую Л. похитила и распорядилась ею по своему усмотрению.

По результатам рассмотрения уголовного дела суд первой инстанции пришел к выводу о необходимости исключения из обвинения Л. фактов хищения у П. 5 декабря 2015 года денежных средств в размере 33 000 рублей и 9 декабря 2015 года – набора кастрюль стоимостью 6 164 рубля, а также о прекращении в отношении Л. уголовного дела в остальной части обвинения на основании п. 4 ч. 1 ст. 27 УПК РФ в связи с наличием в отношении нее вступившего в законную

силу приговора по тому же обвинению.

При этом необходимость прекращения уголовного дела суд первой инстанции мотивировал тем, что по приговору Калининского районного суда г. Чебоксары от 16 мая 2018 года Л. была осуждена в том числе по ч. 4 ст. 159 УК РФ за мошеннические действия по факту хищения имущества П. в период с 9 декабря 2015 года по 8 февраля 2017 года на общую сумму 4 156 000 рублей при аналогичных обстоятельствах, о чем свидетельствуют одни и те же место совершения преступления и предмет хищения.

Суд указал, что обстоятельства уголовных дел полностью совпадают, разница имеется только в суммах похищенных денежных средств. Действия Л. по обоим уголовным делам являются тождественными, совершены с едиными целью, умыслом, объектом посягательства, в один и тот же установленный период времени. При этом неразрывная связь действий Л., указанных в предъявленном ей обвинении по настоящему уголовному делу, с единым продолжаемым преступлением, за которое она осуждена по приговору от 16 мая 2018 года, не позволяют рассматривать установленные по настоящему уголовному делу обстоятельства как самостоятельные преступления в силу положений ст. 17 УК РФ, так как факты хищения денежных средств у П. в период с 31 января 2016 года по 8 августа 2016 года в размере 1 200 000 рублей являются лишь эпизодами продолжаемого преступления, за которое Л. уже осуждена по приговору от 16 мая

2018 года, и самостоятельной юридической оценке не подлежат.

Между тем с выводами, изложенными в состоявшихся судебных решениях, согласиться нельзя.

В соответствии с ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ основаниями отмены или изменения приговора, определения или постановления суда при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке являются существенные нарушения уголовного и (или) уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела.

С учетом изложенных норм закона Судебная коллегия полагает, что состоявшиеся судебные решения по настоящему уголовному делу подлежат отмене по следующим основаниям.

Как следует из копии приговора Калининского районного суда г. Чебоксары Чувашской Республики от 16 мая 2018 года в отношении Л., она осуждена в том числе по ч. 4 ст. 159 УК РФ по факту хищения денежных средств у П.

В частности, судом установлено, что 9 декабря 2015 года Л. путем обмана П. ложными обещаниями об оказании услуг по снятию порчи и проклятия, а также проведением различных манипуляций убедила П. передать ей денежные средства.

П., будучи введенной Л. в заблуждение и не догадываясь о ее преступных намерениях, в период с 9 декабря 2015 года по 8 февраля 2017 года перечисляла со своих банковских

карт на банковские карты К., находящиеся в пользовании Л., денежные средства на общую сумму 4 156 000 рублей, которые Л. похитила, распорядившись ими по своему усмотрению.

Таким образом, признавая Л. виновной в мошенничестве, суд установил, что ею совершен ряд деяний в разное время и с причинением различного материального ущерба потерпевшей.

Из текста названного приговора также усматривается, что в ходе судебного разбирательства потерпевшая П. заявила о хищении у нее Л., помимо изложенных в обвинении, 5 декабря 2015 года наличных денежных средств в размере 33 000 рублей, через день – набора кастрюль, а также денежных средств, переведенных по указанию Л. 31 января, 28 марта, 1 апреля и 8 августа 2016 года – каждый раз по 300 000 рублей – на банковскую карту К. При этом потерпевшая указала, что ранее о данных фактах не сообщала, поскольку прошло длительное время и на тот момент у нее отсутствовали необходимые сведения, однако, получив эти сведения, она отдала их следователю, который ее повторно по данным фактам не допросил.

Суд, постановляя вышеуказанный обвинительный приговор в отношении Л., в описательно-мотивировочной части указал, что доводы потерпевшей об отсутствии в обвинительном заключении сведений о хищении Л. денежных средств потерпевшей по уточненным ею фактам не могут яв-

ляться основанием для возвращения уголовного дела прокурору, поскольку П. не лишена возможности обратиться в органы полиции с соответствующим заявлением в порядке ст. 140, 141 УПК РФ.

Таким образом, обстоятельства преступления, установленные вступившим в законную силу приговором от 16 мая 2018 года, и описание деяния по настоящему уголовному делу по своему объему, содержанию и времени совершения хищений не совпадают, поскольку по первому делу Л. не обвинялась в хищении наличных денежных средств у П. 5 декабря 2015 года в сумме 33 000 рублей, в хищении 9 декабря 2015 года набора кастрюль стоимостью 6 164 рубля, а также в хищении денежных средств, переведенных П. для Л. на банковскую карту К. 31 января, 28 марта, 1 апреля и 8 августа 2016 года – каждый раз в размере 300 000 рублей.

С учетом изложенного, принимая решение о прекращении уголовного дела, **суд первой инстанции не учел, что особенностью продолжаемого преступления, состоящего из ряда тождественных преступных деяний, за которые Л. была осуждена, является то, что каждое из деяний, входящих в состав продолжаемого преступления, обладает всеми необходимыми признаками преступления, при этом каждое из таких деяний имеет отличное от других время, место, обстоятельства совершения.**

Объединяют данные деяния лишь наличие едино-

го умысла у виновного, направленного на достижение единой цели, и одинаковая правовая оценка каждого из них по одной статье Особенной части УК РФ, однако это не препятствует возможности самостоятельной правовой квалификации выявленного вновь эпизода преступления.

Вывод суда о необходимости прекращения настоящего уголовного дела в связи с наличием в отношении Л. вступившего в законную силу приговора по тому же обвинению не может быть признан обоснованным и потому, что эпизоды преступлений от 5 декабря 2015 года, 9 декабря 2015 года (передача набора кастрюль на сумму 6 164 рубля), 31 января, 28 марта, 1 апреля и 8 августа 2016 года не входили в объем предъявленного ранее обвинения, по которому был постановлен приговор, поэтому речь о двойном обвинении идти не может.

Судебная коллегия также полагает необходимым обратить внимание на искажение выводов, содержащихся в определениях Конституционного Суда РФ, приведенных в обоснование своих решений судами апелляционной и кассационной инстанций.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в определениях от 21 октября 2008 года № 600-О-О, 23 сентября 2010 года № 1216-О-О, 24 января 2013 года № 47-О, изменять или дополнять ранее предъявленное обвинение в связи с совершением лицом преступления, по

признакам которого уголовное дело не возбуждалось, недопустимо.

Определение же того, являются ли инкриминируемые лицу действия составной частью преступления, по поводу которого было возбуждено уголовное дело, или они образуют самостоятельное преступление, относительно которого должно быть возбуждено новое уголовное дело, относится к компетенции уполномоченных прокуроров и судов общей юрисдикции, то есть правоприменительных органов.

Учитывая изложенное, фактически указанные действия Л. по ряду совершенных преступлений, по которым было возбуждено новое уголовное дело, оставлены судом без какой-либо юридической оценки, что нарушает права П., потерпевшей от преступления, защиту прав и законных интересов которой согласно п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ уголовное судопроизводство имеет своим назначением, лишает потерпевшую возможности возмещения материального ущерба в данной части.

Таким образом, решения судов первой инстанции о прекращении уголовного дела в отношении Л. и последующих инстанций, оставивших постановление в силе, следует признать принятыми с существенным нарушением уголовного и уголовно-процессуального законов, повлиявшим на исход дела, а следовательно, постановление Калининского районного суда г. Чебоксары Чувашской Республики от 26 мая

2020 года, апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Чувашской Республики от 15 июля 2020 года и определение Судебной коллегии по уголовным делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 21 октября 2020 года подлежат отмене, уголовное дело – направлению на новое судебное разбирательство в суд первой инстанции.

Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 27.04.2021 г. по делу № 31-УД 21-1-К6.

Если спор между сторонами разрешен в гражданско-правовом порядке, то обращение в дальнейшем одной стороны в полицию с заявлением о совершении другой стороной мошенничества свидетельствует лишь о несогласии с вынесенным судебным решением и направлено на переоценку установленных судом обстоятельств. Обстоятельства, установленные вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки

Статья 159 УК РФ не предполагает возможности привлечения к ответственности лиц, совершающих

правомерные гражданско-правовые сделки.

Приговор суда по ч. 3 ст. 159 УК отменен с прекращением производства по уголовному делу на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УК РФ ввиду отсутствия в деянии состава преступления.

Е. осужден за мошенничество, то есть хищение чужого имущества путем обмана и злоупотребления доверием, совершенное в крупном размере при обстоятельствах, изложенных в приговоре.

В соответствии с ч. 4 ст. 302 УПК РФ обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств.

В соответствии с пп. 6, 11, 19 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 года № 55 «О судебном приговоре» в описательно-мотивировочной части приговора, исходя из пп. 3, 4 ч. 1 ст. 305, п. 2 ст. 307 УПК РФ, надлежит дать оценку всем исследованным в судебном заседании доказательствам – как уличающим, так и оправдывающим подсудимого. При этом излагаются доказательства, на которых основаны выводы суда по вопросам, разрешаемым при постановлении приговора, и приводятся мотивы, по которым те или иные доказательства отвергнуты судом.

Указанные требования по данному уголовному делу судом надлежащим образом не выполнены.

Согласно обжалуемому приговору суд признал установленной вину Е. в том, что он, действуя из корыстных побуждений, желая незаконно обогатиться за чужой счет путем обмана и злоупотребления доверием, введя З. в заблуждение относительно истинного положения дел, получил от последнего в качестве аванса за продаваемый земельный участок («прирезку») денежные средства, и, не намереваясь организовывать процесс оформления и последующей передачи земельного участка («прирезки») в собственность З., создавая у последнего уверенность в правомерности своих действий с целью скрыть истинные корыстные намерения и завуалировать свои преступные действия, собственноручно составил от своего имени расписку в получении указанных денежных средств от З., однако в дальнейшем своих обязательств не выполнил, надлежащим образом земельный участок («прирезку») не оформил, в установленном законном порядке его не приобрел, приводя в свое оправдание доводы, не соответствующие действительности, и похитил полученные от З. денежные средства, распорядившись ими по своему усмотрению.

Указанные действия Е. квалифицированы судом по ч. 3 ст. 159 УК РФ как мошенничество, то есть хищение чужого имущества путем обмана и злоупотребления доверием, совершенное в крупном размере.

Проанализировав исследованные судом доказательства, на основании которых был сделан вывод о виновности Е. в установленном приговоре преступном деянии, судебная коллегия полагает, что суд первой инстанции правильно установил фактические обстоятельства дела, связанные с заключением договора о намерениях (предварительного договора купли-продажи) между З. и Е. и передачей З. в обеспечение исполнения договора аванса под роспись Е.; достоверно установил факт заключения между З. и Е. договора купли-продажи земельного участка и факт регистрации указанного договора, а также имевший место факт передачи З. Е. денежных средств за земельный участок.

Одновременно суд посчитал установленным, что денежные средства Е. получил от З. путем обмана и злоупотребления доверием в качестве аванса за земельный участок («прирезку»), не намереваясь при этом организовывать процесс оформления и последующей передачи указанного земельного участка («прирезки») в собственность З., однако указанные выводы сделаны судом без объективной и всесторонней оценки всех обстоятельств дела.

Признавая надуманным утверждение Е. о том, что денежные средства являются оплатой в счет договора купли-продажи земельного участка, суд сослался на отсутствие в составленной им расписке прямого указания на данное обстоятельство, при этом не учел, что из содержания названной расписки нельзя сделать и однозначный вывод о том, что

указанная денежная сумма была предана З. в качестве аванса за земельный участок («прирезку»).

Также суд, ссылаясь на показания потерпевшего З., свидетелей З. и У., акт о взаиморасчете и заключение почерковедческой экспертизы, отверг утверждение Е. о том, что он не получал от З. денежные средства по договору купли-продажи земельного участка и акт о взаиморасчете не подписывал.

При этом суд не дал никакой оценки показаниям свидетелей Е. и В., подтвердивших показания Е., оставил без внимания противоречия в показаниях свидетеля У. касательно непосредственного наблюдения им момента передачи денежных средств, не указал, почему принял одни доказательства и отверг другие.

Более того, суд не учел, что вступившим в законную силу решением по гражданскому делу по иску З. к Е. и Е. о взыскании денежных средств и по встречному иску Е. к З. о признании недействительным акта о взаиморасчете, признании полученных денежных средств оплатой по договору, взыскании задолженности по договору полученные Е. денежные средства по расписке, написанной Е., признаны оплатой по договору купли-продажи земельного участка, а акт о взаиморасчете признан недействительным. Исковые требования З. суд оставил без удовлетворения, одновременно согласившись со встречными требованиями Е.

Обстоятельства, установленные вступившим в законную

силу решением суда, как видно из вышеизложенного, противоречат обстоятельствам, приведенным в обжалуемом приговоре.

Между тем в соответствии со ст. 90 УПК РФ обстоятельства, установленные вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского судопроизводства, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки.

Суд в приговоре указал, что решение не может иметь преюдициального значения для разрешения по существу данного уголовного дела, с чем судебная коллегия согласиться не может.

Как указал Конституционный Суд РФ в постановлении от 21.12.2011г. № 30-П, признание преюдициального значения судебного решения, будучи направленным на обеспечение стабильности и общеобязательности судебного решения, исключение возможного конфликта судебных актов, предполагает, что факты, установленные судом при рассмотрении одного дела, впредь до их опровержения принимаются другим судом по другому делу в этом же или ином виде судопроизводства, если они имеют значение для разрешения данного дела. **Тем самым преюдициальность служит средством поддержания непротиворечивости судебных актов и обеспечивает действие принципа правовой определенности.**

Судебная коллегия считает, что факты, установленные су-

дом при рассмотрении вышеназванного гражданского дела, доказательствами, исследованными судом при рассмотрении уголовного дела в отношении Е., не опровергнуты.

Признавая недостоверными выводы проведенной в рамках гражданского дела судебной почерковедческой экспертизы, установившей, что подпись и рукописный текст в акте о взаиморасчете (в экземпляре из регистрационной палаты) выполнены не Е. и не Е., а иным лицом, суд сослался на показания потерпевшего З., утверждавшего, что Е. в его присутствии ставил подпись лишь в одном экземпляре, который передал ему, а кем были подписаны два других экземпляра, в том числе переданный в регистрационную палату, ему неизвестно, а также на то, что предметом исследования экспертизы экземпляр акта о взаиморасчете, находившийся у З., не был.

Приведенные судом мотивы признания указанного доказательства недостоверным неубедительны, поскольку не объясняют, как показания потерпевшего и наличие второго экземпляра акта могли повлиять на выводы эксперта.

Более того, признавая одно из экспертных заключений недостоверным, суд не привел суждений, объясняющих, почему при наличии существенных противоречий в выводах экспертных заключений о лице, выполнившем рукописный текст и подпись в изъятом из регистрационной палаты экземпляре акта о взаиморасчете, суд, не устранив имеющиеся противоречия,

согласился с одним заключением и отверг другое.

Кроме того, судебная коллегия обращает внимание на то, что преступление, предусмотренное ст. 159 УК РФ, совершается только с прямым умыслом, а корыстная цель является обязательным признаком субъективной стороны преступления.

Однако суд не мотивировал свой вывод о наличии у Е. умысла на совершение мошенничества. Приведенные в приговоре доказательства, подтверждающие, по мнению суда, виновность Е. в преступлении, не свидетельствуют о наличии у него умысла на хищение денежных средств, а фактически подтверждают наличие гражданско-правового спора между З. с одной стороны и Е. с другой стороны.

По делу с достоверностью установлено, что между З. и Е., от имени и с согласия которой действовал Е., был заключен договор о намерениях (предварительный договор купли-продажи), а в последующем – договор купли-продажи земельного участка, обязательства по договорам исполнялись, однако между сторонами возник спор по поводу выполнения каждой из них взятых на себя обязательств, который был разрешен в гражданско-правовом порядке. Обращение З. в полицию с заявлением о совершении Е. мошенничества стало результатом несогласия З. с вынесенным судебным решением и было направлено на переоценку установленных судом обстоятельств.

Между тем, как сказано в определении Конституционного Суда РФ от 29.01.2009 г. № 61-О-О, ст. 159 УК РФ не предполагает возможности привлечения к ответственности лиц, совершающих правомерные гражданско-правовые сделки: согласно ст. 8 УК РФ основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного данным кодексом. Таким образом, при квалификации деяния, в том числе в соответствии со ст. 159 УК РФ, обязательным является установление как объективных, так и субъективных признаков состава данного преступления.

Привлечение к уголовной ответственности за мошенничество, совершенное под прикрытием правомерной гражданско-правовой сделки, возможно лишь в случае, если будет доказано, что, заключая такую сделку, лицо действовало умышленно, преследуя цель хищения чужого имущества или приобретения права на него.

Однако исследованные судом и положенные в основу приговора доказательства содержат лишь сведения об обстоятельствах заключения договоров и произведенных расчетах, однако не доказывают, что Е. изначально преследовал цель хищения денежных средств З.

При таких обстоятельствах судебная коллегия приходит к выводу, что субъективная сторона преступления судом не установлена, в действиях Е. отсутствуют признаки преступ-

ления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ, в связи с чем приговор суда подлежит отмене с прекращением производства по уголовному делу на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УК РФ ввиду отсутствия в деянии состава преступления, а возникшие споры подлежат рассмотрению в гражданско-правовом порядке.

В соответствии с положениями ст. 133—134 УПК РФ судебная коллегия признает за Е. право на реабилитацию.

Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Московского областного суда от 1.04.2021 г. по делу № 22-97/2021.

До тех пор, пока в ходе уголовного процесса факты фальсификации доказательств и виновности лица в преступлении не будут установлены на основе не вызывающих сомнения обстоятельств, решение по гражданскому делу должно толковаться в пользу лица. Следователь не может и не должен обращаться к вопросу, составлявшему предмет доказывания по гражданскому делу, он оценивает лишь наличие признаков фальсификации доказательств (включая доказательства, не рассматривавшиеся судом по гражданскому делу) в связи с возбуждением уголовного дела по факту

Не является хищением такое изъятие чужого имущества, которое не связано с причинением собственнику или иному владельцу этого имущества прямого действительного ущерба, если лицо, совершившее

изъятие, взамен предоставляет иную равноценную компенсацию.

Если лицо имеет основания претендовать на чужое имущество и завладевает им, нарушая установленный в таких случаях порядок получения имущества, хищение не может быть вменено.

Мошенничество путем приобретения права на имущество возможно совершить лишь в том случае, если решениями арбитражных судов или судов общей юрисдикции за подсудимыми (осужденными) признается право на какое-либо имущество потерпевших, то есть в результате решения суда возникает вещное право, которое может быть самостоятельным объектом преступления.

Тот факт, что некоторые из подсудимых не являлись стороной по гражданскому делу, рассмотренному арбитражным судом или судом общей юрисдикции, не может служить основанием для непризнания преюдициального значения вынесенного по гражданскому делу решения.

Мошенничество составляет хищение, причиняющее прямой действительный ущерб собственнику или владельцу имущества (обладателю права на имущество) путем и в момент изъятия у него имущества (отторжения у него права на имущество), а не посредством неисполнения обязательств по договору.

Признание обвиняемым своей вины в совершении преступления может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по делу доказательств.

Приговор суда по ч. 4 ст. 159 УК отменен с прекращением производства по уголовному делу на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УК РФ ввиду отсутствия в деянии состава преступления.

Ш., К. и З. признаны виновными и осуждены за мошенничество, то есть приобретение права на чужое имущество путем обмана и злоупотребления доверием группой лиц по предварительному сговору с использованием своего служебного положения в особо крупном размере.

В соответствии с принципом презумпции невиновности, предусмотренным ст. 49 Конституции РФ, неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого.

По смыслу закона в пользу подсудимого толкуются не только неустранимые сомнения в его виновности в целом, но и неустранимые сомнения, касающиеся формы вины, признаков объективной стороны, степени и характера участия в совершении преступления, смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств и так далее.

Согласно ст. 14 УПК РФ обвинительный приговор не может быть основан на предположениях.

В соответствии со статьей 302 УПК РФ обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и по-

становляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств.

Согласно положениям статьи 297 УПК РФ приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым.

Между тем содержащиеся в приговоре выводы суда о виновности Ш., З. и К. в мошенничестве не основаны на достаточной совокупности изобличающих доказательств, фактически носят характер предположений.

Согласно ст. 73 УПК РФ при производстве по уголовному делу подлежат доказыванию событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства его совершения), виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы. Эти же обстоятельства суд согласно статье 299 УПК РФ должен разрешить при постановлении приговора.

Признавая Ш. и З. виновными в приобретении права на имущество ООО «К.», суд указал, что З., движимый страстью к наживе и незаконному обогащению, подыскал предприятие ООО «К.», где генеральным директором являлась пожилой человек Т., которую возможно обмануть и, злоупотребив доверием, незаконно приобрести право на чужое имущество с целью его дальнейшего преступного использования для личного обогащения.

Осознавая, что эффективность преступной деятельности возрастет при групповом совершении, З. вступил в преступ-

ный сговор с генеральным директором ООО «Р.» Ш., с которым совместно разработал детальный план совершения преступления и распределение ролей для выполнения каждым возложенных на них функций.

Осуществляя реализацию своего преступного умысла, направленного на приобретение права на чужое имущество путем обмана и злоупотребления доверием, действуя группой лиц по предварительному сговору, для придания серьезности намерениям создавая условия для доверительных отношений, Ш., используя служебное положение генерального директора ООО «Р.», 26 декабря 2011 года заключил с ООО «К.» в лице генерального директора Т. договор подряда, в соответствии с которым ООО «К.» приняло на себя обязанность выполнить для ООО «Р.» из материала заказчика работы по изготовлению трех комплектов, состоящих из штор, покрывал и наволочек.

23 января 2012 года по указанию З. в адрес ООО «К.» поставлена по товарной накладной № 12, где поставщиком ткани указано ООО «С.», а получателем – ООО «К.», ткань для изготовления трех комплектов. Стоимость ткани согласно накладной составила 320 949 рублей 70 копеек, то есть была завышена не менее чем в два раза.

При этом Ш., злоупотребляя доверием, обманул генерального директора ООО «К.» Т., сообщив последней, что ткань по накладной № 12, где поставщиком указано ООО «С.», поставлена от ООО «Р.», где он является генеральным дирек-

тором.

Введенная в заблуждение со стороны Ш. генеральный директор ООО «К.» Т. дала распоряжение о принятии поставленной ткани, в результате чего ткань по накладной № 12, где поставщиком указано ООО «С.», была принята и впоследствии использована для изготовления товара.

13 февраля 2012 года по указанию З. осуществлена поставка ткани в адрес ООО «К.» по товарной накладной № 53, где поставщиком ткани указано ООО «С.», а получателем – ООО «К.», стоимостью 4 574 009 рублей, то есть завышенной не менее чем в два раза.

14 февраля 2012 года между ООО «К.» в лице генерального директора Т. и ООО «Р.» в лице генерального директора Ш. заключен договор подряда, в соответствии с которым ООО «К.» приняло на себя обязанность выполнить для ООО «Р.» из ткани заказчика работы по изготовлению 126 комплектов, состоящих из штор, покрывал и наволочек. Однако исполнять условия договора и осуществлять оплату по нему Ш. совместно с З. не намеревались.

При этом Ш. посредством телефонных переговоров, злоупотребляя доверием, обманул генерального директора ООО «К.» Т., сообщив последней, что ткань по накладной № 53, где поставщиком указано ООО «С.», поставлена от ООО «Р.», где он является генеральным директором.

Введенная в заблуждение со стороны Ш. генеральный директор ООО «К.» Т. дала распоряжение о принятии постав-

ленной ткани, в результате чего ткань по накладной № 53, где поставщиком указано ООО «С.», была принята и впоследствии использована для изготовления товара.

13 апреля 2012 года Ш. направил в адрес ООО «К.» уведомление об одностороннем отказе от исполнения договора подряда со стороны ООО «Р.» в связи с нарушением срока выполнения работ.

В мае 2013 года З., используя служебное положение генерального директора ООО «С.», обратился в Арбитражный суд Тверской области с иском о взыскании с ООО «К.» денег в сумме 5 050 613 рублей 85 копеек за поставленный товар по товарной накладной № 53 от 13 февраля 2012 года, в том числе 4 574 009 рублей задолженности по товарной накладной и 476 604 рубля 85 копеек в виде процентов за пользование чужими денежными средствами за период с 14 февраля 2012 года по 25 апреля 2013 года, и денег в сумме 355 913 рублей 28 копеек за поставленный товар по товарной накладной № 12 от 23 января 2012 года, в том числе 320 949 рублей 70 копеек задолженности по товарной накладной и 34 964 рублей 28 копеек в виде процентов за пользование чужими денежными средствами за период с 24 января 2012 года по 25 апреля 2013 года, предоставив в суд накладные на поставку сырья.

Решением Арбитражного суда Тверской области от 5 ноября 2013 года, которое вступило в законную силу 23 января 2014 года, с ООО «К.» в пользу ООО «С.» взысканы денеж-

ные средства в сумме 5 377 591 рубль 80 копеек, из которой 4 894 958 рублей 70 копеек – задолженность за поставленный товар по товарным накладным № 12 и № 53; 482 633 рубля 10 копеек – проценты за пользование чужими денежными средствами.

Тем самым З. и Ш. приобрели право на чужое имущество, а именно денежные средства в сумме 5 377 591 рубль 80 копеек, принадлежащие ООО «К.», которыми распорядились по собственному усмотрению.

Признавая Ш., З. и К. виновными в покушении на приобретение права на имущество производственного кооператива (далее – ПК) «Т.», суд указал, что З., движимый страстью к наживе и незаконному обогащению, подыскал на территории г. Твери ПК «Т.», где председателем является пожилой человек Ж., которую возможно обмануть и, злоупотребив доверием, незаконно приобрести право на чужое имущество с целью его дальнейшего преступного использования для личного обогащения.

Осознавая, что эффективность преступной деятельности возрастет при групповом совершении, З. вступил в преступный сговор с генеральным директором ООО «Р.» Ш. и К., с которыми совместно разработал детальный план совершения преступления, распределив между собой роли и выполняя каждый возложенные на них функции.

Осуществляя реализацию своего преступного умысла, направленного на приобретение права на чужое имущество пу-

тем обмана и злоупотребления доверием, действуя в составе группы лиц по предварительному сговору, для придания серьезности намерениям создавая условия для доверительных отношений, Ш. 6 марта 2012 года заключил с ПК «Т.» в лице председателя Ж. договор подряда, в соответствии с которым ПК «Т.» принял на себя обязанность выполнить для ООО «Р.» работы по изготовлению товара (сапоги, гамашы, ботфорты) из сырья заказчика в количестве 24 пар.

7 марта 2012 года по указанию З. в адрес ПК «Т.» поставлено сырье (кожа) по товарной накладной № 145, где поставщиком указано ООО «С.», а получателем – ПК «Т.», стоимостью 118 266 рублей 30 копеек, то есть завышенной не менее чем в два раза.

При этом Ш., злоупотребляя доверием, обманул председателя ПК «Т.» Ж., сообщив последней, что сырье (кожа) по накладной № 145, где поставщиком указано ООО «С.», поставлена от ООО «Р.».

Введенная в заблуждение со стороны Ш. председатель ПК «Т.» Ж. дала распоряжение о принятии поставленного сырья (кожи), в результате чего сырье (кожа) по накладной № 145, где поставщиком указано ООО «С.», была принята и впоследствии использована для изготовления товара.

20 апреля 2012 года между ПК «Т.» в лице председателя Ж. и ООО «Р.» в лице генерального директора Ш. заключен договор подряда, в соответствии с которым ПК «Т.» принял на себя обязанность выполнить для ООО «Р.» работы по из-

готовлению товара из сырья заказчика. При этом исполнять условия договора и осуществлять оплату по нему Ш. совместно с З. и К. не намеревались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.